

Ферестан Д'Лекруа

Голоса Расальха

Книга первая:
На полпути к себе

Ферестан Д'Лекруа Голоса Расальха. Книга первая: На полпути к себе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22874024
ISBN 9785448327070*

Аннотация

«Голоса Расальхата / Книга 1. На полпути к себе» – это книга о людях, осознавших, что находятся посреди чудесных событий или что они сами – часть чудес. Среди таких людей – библейский Каин и молодой колдун, живая стихия Морская и обычная девушка Полина из города с заглавной буквой «Р» в названии, и ещё десятки людей, котов, нужных вещей и самих читателей. Да, читателей... или минуту назад вы не собирались создать новую вселенную?

Содержание

Дом Книги	7
Голос первый. Цепи зла	10
Часть первая. Цепи зла	10
Часть вторая. Сказка о темноте	17
Часть третья. Имя зверя	23
Часть четвёртая. Ветер за всё в ответе	35
Часть пятая. Открой глаза, Человек!	58
Пролог	58
Вступление	59
Акт первый...	60
Акт второй...	62
Акт третий...	63
...Эпилог...	64
Ветер	65
Часть шестая. Извлечение двоих	68
Эхо: «Легенда и Миф»	76
Часть первая. Вселенные рождаются из слёз	76
Часть вторая. ...о короле Артуре	80
Голос второй. Морская	84
Пролог. Рукописи мокнут	84
Часть первая. На твой безумный мир	90
Часть вторая. Зачарованная	96
Часть третья. К зачарованной	99

Часть четвёртая. Четвёртая стена
Конец ознакомительного фрагмента.

106

111

Голоса Расальха

Книга первая:

На полпути к себе

Ферестан Д'Лекруа

© Ферестан Д'Лекруа, 2017

Корректор Мария Адильевна Тухватулина

ISBN 978-5-4483-2707-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В серии «Параллели Хаоса»:

Цикл: «Песни Семице»

Книга первая: «Штурвал адмиралу!»

Книга вторая: «Когда бьет молот»

Книга третья: «Короли и пешки»

Книга четвертая: «В знак сотворения»

Книга пятая: «Мифы Мефистофеля»

Цикл: «Голоса Расальхата»

Книга первая: «На полпути к себе»

Книга вторая: «Попытка к бегству»

Книга третья: «Выйти из комнаты»

Роман «Говорящий от имени мертвой»

Цикл: «Записки колдуна»

Книга первая: «Ворон»

Книга вторая: «Сплав»

Книга третья: «Крест»

Роман «Час двух троек»

Цикл: «Хранитель»

Книга первая: «Последний феникс»

Книга вторая: «Последняя война»

Книга третья: «Миры рожденные из слез»

Борзиков С. И. (Д'Лекруа Ферестан).

Голоса Расальхата/ Книга I. На полпути к себе: мистико-фантастический роман. —

«Голоса Расальхата/ Книга I. На полпути к себе» – это книга о людях, осознавших, что находятся посреди чудесных событий или что они сами – часть чудес. Среди таких людей – библейский Каин и молодой колдун, живая стихия Морская и обычная девушка Полина из города с заглавной буквой «Р» в названии, и ещё десятки людей, котов, нужных вещей и самих читателей. Да, читателей... или минуту назад вы не собирались создать новую вселенную?»

Дом Книги

Здравствуй, смельчак! И сразу к делу. Миры Ферестана, называемые им самим «Параллели хаоса», – это сложная система, подчас не подчиняющаяся логике. Человеческой. Для чуть большего упрощения в понимании, где и что происходит, я расставила по тексту указатели, здесь же попробую дать уточнения, что они значат.

Перед нами система параллельных миров, которые могут отличаться друг от друга одной деталью: например, мир без ветра, или без Бога, или без Петра Порошенко. А может, и без держащего в руках эту книгу читателя. При этом одна деталь, изъятая не прямо сейчас – во время чтения текста, а давным-давно, ещё при создании мира, – соответственно меняет и весь порядок его развития. Сам же мир, называемый нередко Домом, может быть как одной планетой, так и городом, или планетарной системой, или целой галактикой.

Например, Кали-Ола – это наша с вами Земля и только. А вот Дом Героев – абстрактные пространства, изъятые с многих других миров (часто те места, где случались сражения). Расальхат – город-мир, куда попадают боги, в которых перестали или забыли верить, а еще – легенды и мифы. И так далее. При этом Домом может быть память отдельно взятого человека или сон.

Персонажи чаще всего имеют реальных прототипов. Например, как можно не верить в реальность Каина, если он есть в Ветхом Завете?! Так что здесь можно смело писать: «Все совпадения имён и мест прошу считать случайными», конечно, ради того, чтобы на Сергея не подали в суд те, кому не понравилась участь книжного героя. И я бы с радостью пометила ссылками по тексту – кто из персонажей является плодом авторского воображения, а кого вы можете случайно встретить на улице Рязани, Питера или Расальхата, а может, в зеркальном отражении. Но! Боюсь записать саму себя не в тот список. Знаете ли – очень трудно жить, осознавая себя продуктом работы чужого воображения. Да и неподготовленному читателю будет неловко узнать, только открыв книгу и прочитав предисловие, что его самого написали (и, возможно, не лучшим образом).

И помните надпись на обложке, вас предупредили! «Открыв эту книгу, вы рискуете потерять свой разум!»

Хотя сама бы я лучше поместила фразу: «Перед прочтением – сжечь»

Первый слушатель голосов **Диана Жизнева** («Жизнь Плохая»)

PS: в текстах использовались стихи Юлии Назаровой, Александра Сальникова, Вероники Шелякиной.

PPS: остались для второй и третьей книги «Голоса Ра-

сальхата: Попытка к бегству» и «Голоса Расальхата: выйти из комнаты», история Синеглаза и миф «Панкильон», байки детского лагеря «СМЕтаНА» и война за Кошкостан, жизнь обладателя глаз василиска Воймира и трагедия генерала Кромвеля, защищавшего «Предел» и многое другое. Может быть, однажды и эти голоса прозвучат, и кто-то их услышит.

Д. Жизнева

Голос первый. Цепи зла

Часть первая. Цепи зла

– А когда небо становится своим?

– Когда с него на тебя смотрит кто-то родной.

«Легенда и Миф»

*И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьёт
Каина, отомстится всемеро. И сделал Господь
Каину знамение, чтобы никто, встретившись
с ним, не убил его.*

Бытие 4:15

Расальхат

Кончилась буря. Наступил вечер, слишком необычный, чтобы можно было сказать: так было и так будет.

Чёрный вечер – такой выдается раз в вечность, а может, он всего один? Один раз в бесконечности.

Тёмный вечер. Вечер без ветра.

Вечер чужих снов и чужих судеб.

Руки дрожали, ощущая холод железной свирели – сестры ножа. Губы высохли и алым бархатом готовились выжать из мёртвого инструмента звуки живой песни.

Чёрный вечер.

Вечер Рождения Смерти.

Время Каина.

Сколько лет прошло с того самого дня, когда зависть победила братскую любовь? Когда впервые небесный свет коснулся земной крови. Крови людей.

Легенды живут дольше, чем люди. Но иногда случается и так... легенда становится человеком: неважно – по своей ли воле или по воле Неба. Так было и с ним. Теперь его дом – Дом легенд: Третий от Дома Героев, седьмой от Дома Слез – Расальхат. Город забытых богов.

Рай'сальх"Ад.

Будь ты человеком – усомнился бы: «Какой из Каина бог?»

Будь ты одним из тех, кто существует не по законам физики, но по поконам мирозидания, будь ты самой Смертью – знал бы: «Любой творец – бог».

Так было и так будет: созидание становится разрушением, разрушение – созиданием, когда опадает старая плоть, давая жизнь новым «совершенным» созданиям.

– И-уууу, тасссс, и-уууу! – выплюнула в пространство мертвецкую песнь свирель. Выплюнула и затихла; как и хозяйин, прислушалась к тому, как мир откликается на её позывной.

А мир молчал. Расальхат – здесь нет места звукам.

Заката не было, как не было и самого солнца. Лишь огромные лампы и что-то гудящее за ними высоко в небе – незаметно, но очень быстро приглушали свой свет, пока сам город не начинал светиться. Каменные башни, краснокожие стены домов, крыши и покрытые охровой гарью печные трубы – всё излучало зеленовато-жёлтый свет, как дым, заполняющий улицы. А утром этот дым впитается в мощёные костями дороги, и лампы вновь раскрасят небо в оранжево-пурпурное сияние. Но сегодня было иначе. И лишь двое знали почему – дочь и отец.

Давно потухло небо, и теперь Расальхат укрывался в шёлковую вуаль абсолютной тьмы.

Тьма немислима без света, как тень без предмета.

Раздались шаги – один звонкий, как колокол, как воющий набат, что хоронит сразу целый город, в одночасье опустевший от чумы. И тут же второй шаг – тихий, лёгкий, как перо, опускающееся с благословенных небес, но одновременно слышимый всеми интуитивно, на грани сразу всех чувств. Образом, запахом, звуком – лёгким колокольчиком, касающимся барабанных перепонки и, что самое главное, щекочущим само сердце, ибо души давно нет, именно второй шаг возвещал о...

А следом ещё и ещё – шаг за шагом – вслед за единственной яркой вспышкой белого света, в Расальхат вернулась его хозяйка. Как в чашу приходит вино, так и она раз за разом возвращалась сюда отдохнуть. В Расальхат пришла Смерть.

Каин ждал её, не зная, почему именно сегодня, но ждал. Годы легли серой пылью, всклокоченной птицей Синь, что летит к одной единственной звезде через всё мироздание. Годы легли костяной дорогой под ноги этому ожиданию. Дорога пройдена. Почти. И свет в конце пути уже давно за спиной. Но почему так ярко впереди? И так темно внутри?..

...себя...

Каин слез с камня, на котором прозябал последние две вечности. И пошёл, как ходил обычно, – тихо, пугливой мышью. Только теперь его дорога будет не среди зловонных стоков города богов. Не среди крыс, нечистот и чужих голосов, приносимых дождевой водой сверху – с улиц. Хотя ему и было всегда достаточно их, чтобы чертить горизонт времён, чтобы видеть тот мир и всех тех, что рождены благодаря ему. Достаточно для возможности знать и понимать все языки бесчисленных миров.

Сегодня он шёл по тем улочкам. Сегодня ему вслед выли, поджав хвосты, уличные собачонки. Сегодня к его дыханию прислушивались жители этого странного места.

Наверное, стоило переодеться перед встречей с Ней. Негоже выглядеть так перед дочерью: сгнившая много веков назад одежда лишь в силу целостности с ним ещё не осыпалась на белеющую в ночи дорогу. Но времени не было. Да, да, спустя столько лет, столько миллиардов секунд времени

уже не было!

Она шла медленно, предвкушая одну из самых желанных встреч. Встречу, которой не могло быть, не должно было быть! Но правила устанавливала не Она и не Она их меняла.

Незримой рукой Творящей была стёрта печать с Его лба: «Прощенья нет»... и вместо неё короткая роспись белой руки в чёрной сетчатой перчатке на Его руке – там, где бесконечный луч вдруг стал отрезком. Точка. И шесть букв росписи: «Смерть».

Всё, что могла она, всё, что успела, – написать короткую записку. Пусть он получит её накануне. Пусть и не успеет проститься с ней – его дочерью. Не успеет простить её.

Таков закон. Таковы правила. И не ей менять их.

«Отец, тебя отпускают. Ты – прощён. Ты нужен небу. Не здесь, а там...

Прости.

Всегда твоя – Смерть».

Они встретились на Площади Семи. Уже не в том мире, где они родились. В триллионе секунд с того мгновения, когда рождение стало преступлением. Когда убийство брата породило совершенно новую форму существования – не уход в конце Жизни в новую Жизнь, не сотворённые пер-

вым Миром круги перерождений сансары, не вечную жизнь Эдема. Смерть – падение в небо.

– Дочь. Мортис!

– Да, отец. Каин.

Он протянул ей единственное, что сопровождало его всю бесконечно долгую жизнь – ту самую свирель, сестру ножа. Ту самую свирель, что выронил из рук его брат Авель в момент...

– Не нужно.

– Как память обо мне! Дочь, неужели ты хочешь меня забыть?!

– Ты всегда со мной, отец, – и она, открыв глубины своего чёрного покрывала, показала ему кожаные ножны и покоящийся в них железный нож с окропленной пыльной охрой рукоятью – брат свирели. – Одно из условий, отец, твоего прощения...

Она запнулась.

– Отпусти его!

Мгновение. Увы, глаза первого убийцы нельзя было разглядеть в беззвёздной тьме. Лишь в одну из тех вечных секунд скользнувшие в чёрных кудрях Смерти алые звёзды отразились в его зрачках, его слезах.

И его губы шептали: «...не болит ли голова у твоего брата Авеля, Каин? Не болит. Не болит. Не болит...»

– Прости!!!

И Каин швырнул железную свирель, сестру железного но-

жа, – швырнул как можно дальше. И она упала среди выросшей на месте недавно стоящих домов травы. Чужая земля приняла последнюю кроху души сына совсем другого мира. Раскаяние Каина, когда его уже простили. Последняя звезда каплей рассветной росы прокатилась по мертвецкой стали, отражая последние и единственные объятья отца и дочери. Объятья смерти... и входящий в сердце отца нож – брат железной свирели.

Чёрный вечер сменился обычным утром, когда в Расальхате, городе забытых богов, вновь зажигаются свечи громадных ламп, заменяющих солнце, – там – в вышине чужого неба, ставшего для совсем другого мира родным.

Часть вторая. Сказка о темноте

*Когда тьма спускается с востока
а темнота принимает облик чёрной кошки –
плачут дети...*

И. Надеждин. Сказ времён

«Вавилон». Планетарная система Чиар

Когда утро искусственным светом золотит багровые, лишь видимые истинному зрению детей и кошек, купола Храма проводов...

Когда провода превращаются в чёрных змей, символ ещё не наступившей, но уже торжествующей эпохи...

Когда?

Таких городов ещё нет на картах, но есть такие миры, где электрический свет дороже солнечного. Но, несмотря на это, весь мир всё ещё не ценнее единственной слезы ребёнка.

Наступает утро детей.

Города, в коих есть движимые любовью, порывами, иными чувствами пары – мужчины и женщины, такие города, а вместе с тем улицы, храмы и всходы¹, заполняются детьми.

Да, да! Они появляются одним прекрасным утром без всяких не дающих спать соседям ночных бдений. Дети приходят из сгустившегося воздуха, выходят из зазеркалий мага-

¹ Всходы – ступеньки, ведущие к храму.

зинных витрин, да и пучки чернеющих химерами проводов порой сотворят черноволосого мальчишку или девчонку.

Так или иначе, в одно утро самые оживлённые улочки городов под Небом заполняются детьми-без-родителей.

Сегодня такое утро.

Кто-то ещё по дороге на работу, спеша, но не опаздывая, оставил стоящим на своём пути детям, случайно или намеренно, флакончик с мыльными пузырями. И вот теперь улица наполнялась сразу тремя самыми сокровенными частичками мироздания – детьми, мыльными пузырями и детским смехом. Утро рождения обещало быть весёлым.

Дети не желали стоять на месте, бегали, но не убегали от незримой, но явной точки своего появления (да, да, без родителей далеко не уходить!) за пузырями, друг за другом. Наверное, они бы играли в салки, если бы родители научили их. А так – добежит желтоволосая девочка до очередного мальчишки-без-родителей, постоит, посмотрит в его такие же, как и у самой, голубые глаза-озёра, и плакать. Вот только порой остановится рядом с ней случайный прохожий – молодой или старый, женщина или мужчина – взъерошит влажной от вымокшего в её слезах воздуха пятерней жёлтенькие волосики, да и уведёт девочку за собой... Называя её уже не девочкой-без-родителей, а Дочкой или Внучкой, лишь чуть позже рождая в первых словах любви к своему ребёнку Имя.

– Мальчик, а как тебя зовут?

– Не знаю. А как бы вы хотели?

– Сынок. Павел. Павлуша, – и мальчик улыбается, его берут за руку и уводят домой, туда, где нет мыльных пузырей и других детей-без-родителей, но есть Мама и Папа, а теперь еще и он – Павлуша.

День катится в гору, едва-едва отмеряя половину пути до вершины-угасания. Дети уже не так веселятся: лишь редкий смех разрывает тишину бурлящего иной, взрослой жизнью города. Будущие отцы и матери заседают на работах, некоторые даже обдумывают своё возвращение домой, через улицы и скверы, полные детьми:

...Ой, а я сегодня видела такую девчущку, ну точь-в-точь я...

...в желтом платье и смеялась звонче других...

...а я вот сына себе присмотрел. Вечером обязательно заберу, уже и имя придумал...

...а я купил куклу и машинку – видел братика с сестричкой, близняшек —всегда хотел...

...а мой сразу меня папой назвал...

Вечер накатил слишком быстро: дневной ласкающий кожу жар сменился резкими пощёчинами предночного ветра. Детей становилось всё меньше и меньше, но таяли и нестройные ряды прохожих.

А вот один – мальчишка-без-родителей, не желтоволосый

и не голубоглазый, как многие в этом возрасте. Смешной мальчонка, с носиком-картошкой и взглядом знающего что-то самое-самое важное в этом мире... И мир не хочет, чтобы это узнали другие. Родители. Взрослые.

Мальчик подходит к прохожим. Такого не делали дети и иных миров и времён, а он подходит, спрашивает:

– Вы ли мои родители? Возьмёте? Назовёте моё Имя?

Но что-то не так. Ему не отказывают, только называют причины:

– А у нас уже двое...

...

– Прости, мы ещё слишком молоды для детей...

– Я хочу девочку, и муж хочет дочку...

– Братика нашему Мише было бы неплохо, но не сегодня...

...

И вот на улице их остаётся трое или четверо. А вечер больше не может сдерживать в себе накопившиеся слёзы. Начинается дождь, а они, дети-без-родителей-и-надежды, стоят под его каплями. Кто-то выходит из дальнего подъезда, быстрые шаги и трясущийся, как маятник, от ветра черный зонтик. Места под зонтом только на двоих. Хозяйка зонтика, уже немолодая женщина, но всё ещё с материнским золоти-сто-тёплым отблеском в глазах называет три имени, прини-

мая под маленький зонтик трёх девочек.

Мальчик-без-родителей остается один.

Когда ночь, подражая небу, накрывает Город и людей прошитым иголками-каплями бархатом своего одеяния. Когда провода начинают искрить, цветом и светом имитируя живую музыку. Когда тьма спускается с востока, а темнота принимает облик чёрной кошки – плачет ребёнок...

...из темноты, шурша о мокрый асфальт чёрным бархатом кружевного платья, выходит стройная леди. Хотя если внимательно взглядеться в её лицо – можно заметить глубокие морщинки, тянущиеся от крыльев носа к скулам, еле заметные синие кружки под разноцветными глазами и короткие темные волосы с призраком седины. Но все же она молода. Дождь не трогает её, огибая даже широкие поля агатовой шляпки с бутонами черных роз. Она шагает тихо, грациозно, лишь напоминая миру о своём присутствии шорохами складок высокого платья.

Мальчик замирает, не зная, что такое страх, но, смутно догадываясь о нём, как, не зная ещё о рождении, он догадывается о смерти. А леди касается ладошкой его вымокшей от слёз щеки. Мягкость прикосновения ложится темнотой на плечи ребёнка-без-родителей. И глаза мальчика загораются последней уверенностью в том, чего нет.

– Вы назовёте мое Имя?

Она улыбается. Тьма. Темнота. Леди, не знающая и нико-

гда не называющая имён. Она привыкла, что называют её – по-разному и всегда ужасно.

– Назови его сам. Сын.

Темнота расступается, даря укрытое в себе дневное тепло. По мокрому асфальту мягко ступают четыре пары лапок – чёрная кошка возвращается домой со своим котёнком – Мартином.

Часть третья. Имя зверя

*Неважно, что не найду
И в углу, и в саду. И в аду.
Мы просто играем в прятки:
Бог прячется, я – ищу.
Сергей Рипмавен. Игра*

«Вавилон». Планетарная система Чиар

Ночь обещала быть ветреной и бурой. Сиди и думай. Стой. Какая ещё ночь? Вокруг царил зловеще правильный полумрак – чётко очерчивающий немногочисленные предметы, стоящие от стены до стены. Стен четыре. Четвёрка – число моей дочери. У меня есть дочь, значит, есть и сам я. Какой я? Первое, что приходит в голову в виде ответа на этот вопрос – это посмотреть на свои руки. Поднимаю их: правая рука идёт легко, чуть хрустнув в локте, левая же неподъёмна. И глаза, лишь боковым зрением заметив правильность, соответствие человеческой анатомии правой руки, пытаются рассмотреть левую. Угла обзора не хватает, и вот моя шея, издав противный старческий хруст, немного наклоняет голову вперёд и вниз. Рука левая... протез. Тяжёлый сгусток металлических проводов, вросших или просто уходящих глубоко в пол, на другом же конце проникающих под мякоть моей плоти. И нет крови, есть мерно падающие на пол капли бурой жидкости – ржавчины. Видно, металл, проникший,

проросший в меня, принял на себя и груз моего возраста.

Имя, имя, вспомнить бы имя своё. Как зовут тебя, человек?

Из полумрака раздаётся смех. Но у меня нет сил на то, чтоб взглянуть на его источник.

Провода начинают светиться, заполняясь изнутри голубым цветом – словно сотни светлячков устремились по ним в моё нутро. И белые искры-молнии электрической змейкой, вспыхивающие, чтобы тут же угаснуть, обвинили этот странный протез. Что-то хрустнуло, щёлкнуло ещё раз, и моя голова резко откинулась назад. Боль пронзила затылок и шею. Стальные створки заменили мне веки, закрыв глаза от реальности. И только боль пульсирует в темноте закрытых глаз красным пятном.

Я открыл глаза. Меня не было, я сам не существовал. Это тот самый полумрак, так чётко и верно очерчивающий скрытые в нём вещи, это он открыл глаза. И не было в нём моего тела, и не было в нём вещей. Фиолетово-синий шарик, стремящийся своими красками к абсолютной черноте одной своей половинкой и испускающий (или отражающий?) свет второй частью, проплывал во мне. Я был мраком, а этот шарик только своим присутствием делал меня полумраком.

Ничего не бывает половинным.

– Да будет свет! – голос из-за предела меня – мрака мягко царапнул слух. Свет появился... Он не уничтожил меня и не стал мной: за многие мили от фиолетово-синего шари-

ка появился другой шар. Исполинский огненный бутон, излучающий живой свет. Он сам свет, и его свет смеётся надо мной – стариком Каином, мраком этого мира.

Всё встало на свои места... Мир внизу – мир живых вещей, давным-давно путём отбора, отмирания нежизнеспособных форм вещной жизни, этот мир населили только провода с их электрической кровью (или разумом?). Те же, кого в его, Каина, родном миреке, назвали бы людьми, деревьями, животными, насекомыми—здесь стали сгустками проводов. Длинные куски металла, искусно маскирующиеся под живые, биологические плетения.

– Вавилон, Вернувшийся, я называю его так, – и снова световой смех огненного шара.

– А кто ты? Нет, не говори, уже знаю. Я лежу там, внизу, в Вавилоне, и ты, о космосорожденная, говоришь со мной через него. Вещь говорит через вещи. Не возражай, ты – вещь, заключённая в металле. Наверно, в собрате моего ножа, только с куда большим по длине лезвием. Кто заключил тебя в нём? Люди? Твои дети?

– Народ, теперь мёртвый народ, Вернувшийся. Они верили в мою божественность, эти дети с четвёртого мира, названного ими Семице, идеальные.

– Иллидийцы. Так понимаю, те из них, кто остался на Вавилоне, не верят в тебя.

Смех огненной бурей первородного огня лепестками раскрывающегося бутона протянулся во все стороны от акори-

товой звезды. Каков же гнев звезды-божества, если её смех способен стереть с лица Космоса целые планеты-миры? Редко смеются боги, и смех их невесел для смертных.

– Ты бессмертен, Вернувшийся, из какой темницы достал тебя Космос?

А, правда, из какой?

Расальхата, города забытых богов. Чую своим смолистым нутром, не хочешь и ты попасть туда, звезда, боишься.

– Че-ло-век. По-мо-ги-мне...

Была ли ночь ветреной и бурой? Но была она странной, была и прошла.

Иди и смотри.

Старик Каин поднимается с холодного пола. Не хрустят старческие кости, заменённые на живой металл – иллирон. Втягивают синеватые мишки под парой нечеловеческих глаз, и разглаживаются морщины – кожа теперь оптоволоконна. И кровь – горячий пуазон – растекается по вновь собранному телу библейского мифа. А впрочем, не знают в этом мире таких мифов, а если и знают, то тридцать три раза умолчат, прежде чем упомянуть первый нож-убийцу и державшую его руку.

Встать удалось только на четвереньки. Левая рука не желала, не могла отпустить утробы породившего её металла. Или причина не в родственных связях проводов? Закачивается через это соединение в человеческую память Каина те-

рабайты информации, накопившиеся в памяти звезды, нет, сразу всех звёзд: мифы, легенды, боги, человеческие судьбы, линии на ладонях, загадки чьих-то улыбок, факты из истории и науки сотен и сотен Домов...

Что-то Каин узнал и раньше, находясь в Расальхате. Старик столетиями слушал разговоры его обитателей и запоминал. Голоса Расальхата и теперь звучали в голове Каина, закаченные единой архивной папкой.

Наконец языки сотен и сотен народов зашумели на все голоса, повторяя одно и то же: Иди и смотри. Иди и смотри.

Иду смотреть. Где я? Вот только теперь понимаю – голоса звучат не во мне, а тут – рядом, за окном. Вокруг серая комната, стены и пол в пыли. Следы в этой серой массе от моих ступней через йоту зарастают горкой новой пыли. Не сделаю новый шаг – и словно не было меня здесь. Может, и я сам скоро обращусь в... в кого? Во что? Серый, пепельный, белый соляной столп? Особенно если оглядываться после каждого шага. Но вот рука, не скрывающая своё механическое происхождение, практически чистый манипулятор-прототип, словно кто-то впервые решил собрать что-то схожее с человеческой конечностью, вот эта рука сама держит меня вперёд, сама же предварительно покинув ячейку подключения в полу. К окну тянет меня она. К окнам и двери в стене. Смотрю.

На улице вижу сад и в том саду толпу – на вид все люди. Темнокожие и золотокожие или с телами белыми, как мел,

с синеватой кожей лиц, с узкими глазами и широкими глубоко посаженными очами – лю-ди. Или нет? Иллидийцы мира Вавилона. Твои последние отпрыски, Чиар?

...Не мои, человек...

Отвечаешь. Уже хорошо. Знать, не сон все вокруг.

– И кому я понадобился на самом деле? – а сам смотрю на людей за окном, рассматривая каждого, и пытаюсь понять, что они там делают. Толпа. Улица. Жду ответа. За окном уже не сад, а серый асфальт. Асфальт, залитый светом и тенями. Лица иллидийцев направлены к небу – они видят то, что не вижу я. Неужели?

Окно поддаётся пальцам – больше металлическим, нежели ещё кажущимся живыми – из мяса и будущей гнили. Происходит странное – от моего тела протягиваются провода, не стекло окна отворяет для меня мир снаружи, но я сам становлюсь частью стекла и вижу то, что оно не только отражает, но просто *может* отразить. Я в Сети. Программа открытого окна.

Перебираются один за другим файлы-отражения. Гуляющие люди, проезжающие машины, ночи и дни. Наконец файл с коротким названием «Сейчас»: сходящее с ума небо – переливается одновременно всеми возможными цветами и при этом пропускающее один-единственный белый свет, что и заливают землю под ногами людей. И очень далеко – за пределами Вавилона, отбрасывая через космическую пустоту свои тени на атмосферу планеты, тёмные исполины на-

чинают свой путь к тем планетам-мирам, что очень давно ведут свой круговой путь с центром в виде акоритовой звезды – Чиар.

...Сейчас...

...Помоги...

Значит, сейчас помощь нужна именно тебе, звезда. И не ты меня простила. Так, случайно перехватила душу в общем потоке перерождений. Или не случайно? Вон сколько помощников для тебя в толпе, что я могу сделать?

...Помоги...

Я был орудием Творца. Я первое звено в цепи, кованой для удержания и уничтожения. Хотя теперь могу сказать – возвращения всего в изначальное состояние. В руки Творца. Я первое звено цепи, что не даёт разбежаться всему и стать всему *всем*. Великолепная цепь зла – от первой смерти в убийстве Авеля до последней смерти последнего живого существа, без разницы какого: человека, кошки, амёбы, звезды.

Вот только я сам умер уже давно. Потом ещё раз. Почему я сам не вернулся к Творцу и не пребываю с ним в его вечной любви и свете? Или в вечном проклятье, там, где нет времени и надежды, пока не раскаешься. Чем Я могу тебе помочь, та, что в своём рождении была уже направлена к гибели? Ты сама вольно или случайно подала мне знания о том, чем являются звёзды. О том, что такое тепловая смерть вселенной. О том, что любая звезда – всего лишь набор сгораю-

щих веществ, удерживаемых в одной точке балансом между гравитацией и выделением энергии от сгорания. Ты всё равно кончишься рано или поздно. Может, лучше сейчас? Уйти, пока есть такой шанс. Тебя пожрут эти твари – эквивалент черноты космоса, выпьют твой свет, впитают цвет каждой из планет в твоих гравитационных кольцах. Небытие – это же форма свободы, я знаю, я теперь это знаю, открыв в своей голове нужные папки. Вот же они: выход из Сансары в Буддизме – полное растворение, исчезновение личности. Вот же: расчленение единой души, не давая ей срастаться воедино – так делают в культе поклонников зверя Хайлайна. Вот же: уничтожение целого мира-планеты народом Таури Нау'А, а вместе с тем всех планет в своей звёздной системе, дабы не было возможности рождения новых существ с душами убившего себя народа. Форма свободы – если не самой выбрать свою смерть, так вольно и смело принять надвигающийся коллапс. Чего ещё хотела ты, звезда-божество, потерявшая веру своих детей? На раненого зверя естественно начинается охота. Или это уже падальщики пришли за твоей разлагающейся тушей?

Я отхожу от окна, зная только одно: «Смотри» – это то, что кричат люди друг другу, указывая на небо. Не мне говорят это, не мне. Проверить это ещё раз? Заглянуть в те образы, полученные мной. Так и сделаю. Хочу осознанно знать всё об этом мире. О Вавилоне.

...Найди помощь...

– Не хочу, – неважно мне устроит ли звезду такой ответ, мне нужно время для чтения закаченных воспоминаний.

Хотя, может, теперь код с моим именем сотрут из программы мироздания? Раз и навсегда. Я раскаялся, я расплатился. Погасите и закройте мой счёт! Или за столетия набежали проценты?

– Не хочу, звезда. Если помогу – вдруг мне захочется отомстить тому, кто дал мне свободу выбора, но не волю, зная – моя рука не дрогнет, совершая первое убийство. Отомстить своему Творцу за свою же слабость.

...Только для взбесившегося орудия Космоса уготовленная кара куда мучительней, чем раскалённые сковородки. Прощение? Нет, Вернувшийся, тебя только бросили из одной клетки в другую. Я дарю, я предлагаю тебе свою судьбу – помоги увернуться от удара или прими вместе со мной величайший дар Творца, второй после дара Жизни. Только помни – этот дар может оказаться продолжением твоей кары. Ты можешь возвращаться ещё и ещё, каждый раз вставая перед новым страшным выбором...

Вот ты и расщедрилась больше, чем на одно слово для старика. Отличные перспективы. Оказаться и остаться в мире, где небо сходит с ума – переливаясь всеми цветами (отблесками спектров света) губительными для живой плоти. Где звезда (или звездолёт?) «Полынь» давно превратила всю воду в кровь, а кровь в сухой порошок нактида – смертельнейшего из природных наркотиков.

Где, назвавшись чужим именем, – на следующий день повстречаешь человека, носящего это имя. И помни, Маклауд, остаться должен только один!

Где демон и ангел пьют святую воду и огненную лаву, как горячительные напитки (отгадай, кто какой!), беседуя о политике Его и Люцифера и новых скидках на отпущение грехов. А на улицах встречаются вывески с такими вот текстами: «Помолитесь об отпущение двух грехов сегодня и получите совершенно бесплатно дополнительное прощение ещё одного греха уже завтра! **ВНИМАНИЕ!** не действует при суициде!».

Где дети не рождаются, но являются на улочки городов строго по часам и датам, в надежде обрести родителей. А умершее существо в ином мире перерождается здесь человеком, помня себя прошлого, точнее, всех себя прошлых. Помня свои грехи и ошибки.

В этом мире, пожалуй, даже я – первый убийца — буду смотреться слегка нормальным. В мире, где имя Творца и имя Зверя совпадает, и произносится оно слишком просто: Кос-мос.

Ничего я не упустил из того груза знаний, которым ты наградила меня? Может, ты и права, Чиар, я могу и попробую найти помощь.

Я называю первое, случайное имя, подвернувшееся мне в моей новой памяти. В этом мире это хороший вариант начать далёкое путешествие, возможно, длиною в жизнь. Чу-

жую жизнь. Я представляюсь этим именем своему отражению в потемневшем стекле окна. Представляюсь сам себе – но этого достаточно. Я в стекле – это я, носящий своё имя – Каин. Я перед стеклом – это тот, кем я назвался.

В дверь легонько постучали. Левая рука тянется к дверной ручке, но нет. Открою правой, пусть хоть в этом мне будет казаться, что моя «свобода» – это моя воля, не имеющая выстроенных чужой рукой лабиринтов и перил.

За дверью стоит человек.

– Где я? Меня зовут...

– Я знаю. Я – Каин, —игнорирую его вопрос, представляюсь в ответ я и пожимаю его руку. Сеть открыта. Дверь открыта. Я становлюсь человеком, чьё имя назвал ещё своему отражению, он мной. Спектакль, да и только. Жизнь-театр.

В глаза бьёт яркий свет, заставляющий нас двоих зажмуриться. Звезда шепчет слова напутствия, но они теряются и глохнут ещё в верхних слоях атмосферы Вавилона, пока Чиар не надоедает это и она сама отделяет частичку себя – синяя птица отправляется за мной. Следить и защищать. Или это надежда Чиар спасти хотя бы крупицу себя?

Свет гаснет далеко за окном – выше последних слоев атмосферы маленького шарика планеты. Мир живых проводов остаётся наедине с медленно плывущими сквозь космос чёрными тенями. Они никуда не спешат. Еда – планеты и звезда – не уйдёт со своих орбит.

На Вавилоне эта ночь, как и предыдущая, обещала быть ветреной и бурой. И, может быть, последней. Но ночь пришла и обрушилась, как...

Занавес.

Часть четвёртая.

Ветер за всё в ответе

... У Бога мёртвых нет

И нас у смерти нет.

Сергей Рипмавен. Хроники судьбы

Третью ночь в одинокой квартире, как в одиночке. Здесь поместились бы целые роты, но бродят лишь легионы... мыслей. Боюсь, так и останутся невысказанными, непрочитанными письма, идущие по проводам каждую минуту по десять граммов. Выспаться бы хоть раз, только часы не дают, звонко бьют в потолок каждый убитый час, и телефон... всё звенит, кто-то ошибается, в сотый раз набирая мой номер вместо номера некой Полины. Вот такое одиночество— в собственной огромной, как мир, квартире.

«Вавилон». Планетарная система Чуар

В доме страшно и темно. Особенно когда ты один. Может, чуть отступает страх, например, если ты видишь в темноте или если ты – кот. Может становиться только страшнее, если ты человек – ребёнок. Но всем и всегда не по себе, если ты один.

Квартира не была большой – шесть на восемь мер комнаты простиралось порой так далеко, что, уходя в путешествие в дальний конец комнаты, по возвращении можно бы-

ло найти горстку или холм пыли на оставленном на кровати пледе. Иногда пыль кто-то счищал, а сам плед складывал ровным прямоугольником и убирал под фиолетовую подушку, по которой путешествовал рисунок мальчишки и старика на сине-стальном шарике-планете. Тогда Мартин знал, вернее, догадывался – что приходила мама, но опять не застала его. Не застала и ушла по своим делам, оставив ему – Мартину – напоминание о своей заботе, о своём сыне. В таких случаях Мартин рывком выдергивал плед из-под подушки. Подушка иногда сваливалась с кровати, и мальчик со стариком на ней куда-то девались. Мартин же быстро залезал под плед, иногда даже не ложась в кровать, прямо на полу, обняв одну из резных деревянных кроватных ножек руками, и засыпал. Плед пах материнскими руками – да-да, этого ни с чем не перепутать, а ещё розами. Такие цветы мама-Тьма носила в волосах, наряду со звёздами. Но звёзды не пахли, точнее, пахли каждая своим запахом – отдельного человека, часто женщины. Но не мамы. Ни с чем не перепутать. Мама.

Сон приходил быстро.

Каждый раз открывалась дверь, ведущая из квартиры (Мартин боялся выходить за неё самостоятельно – боялся потеряться), так входил господин Сон, постоянно забывая нарочно или случайно закрыть или хотя бы прикрыть входную дверь, пока он хозяйски властвовал над миром-квартирой. Именно миром и именно квартирой. Ведь вместе с открытой дверью в квартиру проникал весь мир снаружи, обхо-

дя наверняка запутанные и многочисленные лабиринты коридоров Дома. Наружный мир врывается Тесеем в логово... кого? Здесь нет Минотавра – быкоглавого сына царя Миноса, но есть сын той, что зовется Тьмой.

Миру извне было без разницы, кто и чей сын. Мир рубил стальным мечом снов то, что скрывается под короткой чёрной шёрсткой, под маленькими треугольными ушами, одно из которых во сне заворачивалось, как спинной плавник у касатки, рождённой в неволе. Мартин всегда обращался во сне в котёнка. Темнота брала своё. Темнота всегда знала, какие очертания предметов, вещей... настоящие. Даже если на улице за пределами мира-квартиры был день. Для сомкнутых сонных глаз нет разницы, день или ночь: темнота – вот настоящая хозяйка точки такого зрения.

Мир снился Мартину живым:

Вот в темноте далёких гор просыпаются великаны и начинают круговорот своей медленной игры – перебрасывают с места на место скалы, двигая, таким образом, горы. И не в силах вернуть эти горы обратно – к рассвету засыпают исполины среди скал, сами становясь скалами. И уже во сне скалы поедает ветер, застрявший у них на клыках.

А вот и сам ветер. Важный господин. Ужасно неуклюжий и быстрый. Странное и страшное сочетание. Ветер, словно великаны, играет, перекидывая с места на место фигурки разных созданий, доставшихся ему в наследство от некоего старшего собрата или сестры. Фигурки не могут вернуть-

ся назад, хотя хотят этого. А ветер может их вернуть, но он играет, создавая диорамы, разыгрывая сценки. Что-то шепчет своим игрушкам, вкладывая в их головы мысли и тайны, а может, и целые Слова и цели. Мартин во сне завидует ему – ветер может видеть, как игрушки оживают и выполняют все команды, а иногда противятся им. Тогда получается вдвойне смешно: тело фигурки пытается делать одно – движется, бежит, сражается, пьёт чай с ароматным мёдом или мокко или просто стоит на месте, приклеенное к подставке со своим именем. А вот душа – рвётся и мечется. Рвётся и мечется. Пока кусочки души не улетучиваются малиновым дымком куда-то высоко-высоко – в чёрно-красный шарик, наполненный цветом, светом и верой.

Мартин не знает таких слов, но они ему понятны.

– Я – чёрное солнце, я всем свечу. Зла нет. Верь мне.

Так говорит одна из звёзд. Самая первая. Чернородная. Её зовут Первосвет.

А вот одна из фигурок в руках господина ветра слишком примелькалась. Мартин узнает её во сне, почти угадывает. Каждый раз, стоит только господину ветру заглянуть вместе со всем наружным миром в мир-квартиру. Наверное, это его, ветра, любимая игрушка. Нужно будет спросить. И попросить посмотреть совсем близко, если позволит.

Игрушка-старик. Металлический, раскрашенный вручную. Белая борода издали кажется чёрной, а если совсем близко – то рыжей. Странно это. Фигурка подчиняется

и не подчиняется ветру. Её тело постоянно стремится не оказаться там, где хочется видеть его ветру. А вот душа, напротив, – следует любому плану игры, любому спектаклю, поставленному живой стихией. Естественно, тело рушится, вот только душа фигурки не вылетает душистым дымком, нет. Душа меняет, как одежду, тела. Может, от этого борода у неё разных цветов, или не стоит при рассматривании фигурки прищуривать то левый, то правый глаз?

Вот ещё и ещё одно тело наползает на дымчатый остов послушной души, как жидкий металл, вливаемый в пресс-форму. А господин ветер не понимает, что же ему сделать со странной игрушкой. Наказать ли её? Помиловать? Господин ветер, в своём прозрачном, чуть розоватом мундире, с солнечными погонами генерала и закрытым, как у пирата, тёмной повязкой с рисунком-каплей глазом, всё шепчет и шепчет старику-фигурке одно-единственное слово: «Ищи».

– Кого искать? – Мартин просыпается от собственного голоса. Лишь на секунду перед глазами мелькает убегающий господин ветер, уже выбежав за дверь, так странно и пугающе чётко посмотревший в глаза Мартина, словно сказавший:

– Я тебя увидел. Ты – меня. Не проговорись.

Интересно – а услышал ли? И что было в моих глазах?

А дверь снова закрыта. Мир-квартира – вакуумное пособие по одиночеству. Клетка для зверя? Для меня?

– Мяу?! Мау! Ма-ма!

И тёплые руки – Мартин знает и понимает – они теплы только для него, а так ледяная хватка – разглаживают взъерошенные волосы на голове сына, там, где минуту назад была вставшая дыбом шерстка. Мягкий голос щекочет правое ухо. Или это прядки материнских волос? Или колкие звёзды-украшения в её прядях? Но вот голос матушки-Тьмы слышится всё отчетливей. Мама поёт. Колыбельную? Мне?

– Ммяу! Мау! Ма-ма!

Снова хочется спать – погрузиться в тёплое забытье. Ведь теперь оно создано не господином ветром и не сэром Сном, но напето матушкой-Тьмой:

*Научись меня видеть во сне,
Буду ближе и чаще с тобой.
Если ночь царит на дворе,
Если день полыхает костром – Я за правым, за левым
плечом
Я в тени, я и древо, и тень,
И в руках твоих, я и в глазах.
Спи, котёнок. А хочешь – не спи.
Я качаю тебя на руках
В Доме, здесь или в Грустных мирах
Научись находить на песке,
И в чертах отражений своих,
И на складках одежды, и во сне — Своей матери оклик
и лик
Мы с тобой ближе самых родных*

Просыпаться после колыбельной не хотелось. Мартин во сне чувствовал собственный страх – а что если колыбельная была последней, потому что первой? И страх проникал глубже в сон, обращая его в ночной кошмар, грозящий приходить со временем каждый вечер, как по часам.

Матушка-Тьма стояла у окна, сегодня оно, по её желанию, выходило на берег моря. Там шёл дождь – это когда вода летает. А море – море, это сотни и сотни капель, взявшихся за руки и играющих в «волну», поднимая руки и тем, обрушивая на берег настоящие волны. На берегу были раскиданы то тут, то там песочные дворцы и замки, увы, обречённые на снос скорым приливом и волнистыми струями-плетями дождя. Любителей строить из песка (и, судя по изяществу песчано-ракушечного зодчества, – профессионалов) видно не было, они, верно, не думая об участии своих дворцов, сейчас проводили время рядом с любящими их матерями и отцами. А может, ещё братьями и сестрами.

У Смерти тоже были маленькие «сёстры», а ещё много подруг, но всё больше слуг. Был отец, вспоминать о котором было слишком больно, даже с учётом отсутствия сердечной мышцы как вместилища боли дочери за своего родителя. И не было у неё матери. А теперь... теперь она сама стала матушкой-Тьмой и её дитя спало за её спиной. У Мартина была она – мать, но вот отца...

Что может дать вечно отсутствующая мать своему дитяти, кроме, кажется, первой колыбельной и редких поцелуев

в уже спящие закрытые глаза. Мартин – мальчик, а мальчишке нужна твёрдая мужская рука, учащая держать удар судьбы и жизни. Если не отец, то старший брат. Так думала она, привыкшая уводить отцов от детей, дедов от внуков или даже лишать близнецов возможности видеть самих себя не только в зеркале. Детство для Смерти – закрытый ящик, к которому или рано ещё подходить или уже можно вешать ту самую табличку: «Продаются ботиночки. Детские. Неношеные».

Детство – потерянная Античность, эховый, аховый лес. Только те места, где Смерть находила оставленных взрослыми детей, с ужасом в глазах оглядывая их и окружение – как только попали сюда? Нет бы – сидели на даче, там, где антоновка и кусты крыжовника, или в палатке мамы и папы археологов, перебирая древние черепки кувшинов и монеты, а не летали с кривого утёса на жёлтые клыки-скалы в бухте Херсонеса на Чёрном море. Не стоил крик «Дельфины!», «Где?», «Вон там» такой встречи.

– Будет тебе отец или старший брат, мой котёнок, – отвечает леди и выходит, нет, не в окно, но через распахнутую дверь, за которой над полоской берега встаёт семиметровый вал солёной воды. А переполненные укрывшимися от дождя людьми кафешки в нескольких десятках метров от морской линии, слишком слабо защищены от обезумевшей стихии песчаными стенами и башенками в высоту детской ладошки.

Мартину снится сон. Это естественно – что ещё делать

сну, как не снится? Вот только сон, кажется, прочёл вот эту самую строчку и теперь бунтует за своё право самому выбирать, что ещё он может делать. Сон взбивает подушку под головой Мартина, сон сдергивает плед с маленького тела котёнка, сон громко шепчет на всю квартиру-мир, так, что не слышат только пауки Фёдор и Иван в дальнем углу у двери: Давай играть?

Мартин открывает один глаз, предварительно чуть поведя левым остроконечным ухом. Нет, сон не пропал. Вот он, сидит рядом, аккуратно складывая сдёрнутый с Мартина плед. Сон или не сон? Вроде как господин Ветер – строгий генеральский мундир, конечно странного для военного розоватого оттенка, поплёскивает нашивками, пуговицами и знаками отличия на погонах. Лицо, ранее видимое только во сне, да и то мельком, теперь в этом сне спокойно застыло на одном месте. Ровно на голове господина ветра. Кожа белая, лицо безбородое, подумать можно, что юное – да вот глаза... матушка-Тьма говорила: «Есть такие глаза – посмотришь в них и уже не забудешь. И через жизнь будешь искать именно эти глаза в толпе или у одиноких прохожих на пустой улице. У тебя такие глаза были, Мартин, сын». Вот и у Ветра (так надоело даже про себя называть его господином) были именно такие глаза. Вернее, глаз. Смотрит и вроде как улыбается. А затем сам ветер улыбнулся уже тонкой полоской розоватых губ, гармонирующих с отсветом мундира. И ветер стал совсем юным – буквально мальчишка-новобранец,

только-только покинувший школу. А может, младше ещё, на год или два.

Да только что-то отвлекло сон-ветер на долю секунды, повернул он лицо, обратился к неведомому собеседнику за пределами мира-квартиры. И да, снова стал господином ветром – возраста непонятного, но для Мартина таким мог быть отец.

– Хорошо. Я буду с ним, сколько не понадобится в других местах, – и снова ветер повернулся к Мартину, сверкнув карим огоньком в единственном глазе. Второго глаза – левого – не видно за чёрной повязкой пирата, только красная капля нарисована на повязке аккуратно симметрично живому правому зрачку.

– Меня зовут Александр, – представляется господин ветер и козыряет правой рукой, слегка коснувшись пальцами своих седых волос. Седых! Как Мартин раньше не обратил внимание? Или это свет виноват, сделавший волосы ветра, нет, Александра такими же чуть розоватыми, словно они часть мундира. Кошачье зрение не проведёшь – тут только на свою невнимательность пинать.

– А я Мартин, – и котёнок обращается в мальчишку.

Александр чуть поморщился – видно процесс превращения ему пришёлся не по духу.

– Мар-тин, а мою дочку звали Мар-гарита, она бы тебе понравилась.

– А где она сейчас?

– Не знаю, можно у твоей матушки спросить, она может ответить. Но лучше не надо. Мёртвых тревожить не лучшая затея, как и спрашивать о них у Смерти.

– А кто такие мёртвые?

Александр крепко задумался, и это отразилось на его лице: морщинки господина ветра разгладились, чем и обозначили своё незаметное до этого присутствие. Дуги белёсых бровей вместе с чуть прикрывшимися веками образовали, вернее, образовало холм со снегом над единственным глазом, что было над вторым – скрыла повязка.

– Дав-ай поиграем, – второй раз предложил Александр. – Покажу тебе чуть-чуть, как устроен мир, а ты сам решишь, кто в нём какой.

– Он же живой.

– Смотри внимательней и слушай.

Из раза в раз менялось только помещение. Комната в квартире, номер в санатории «Эллада» вблизи моря, деревянный домик с комнаткой для вожатых в детском лагере «СМЕтаНА». Один и тот же мужчина – лет двадцати пяти, затем возраст его все увеличивается, темнеют волосы и вдруг становятся пепельно-белыми, то возникает спутанная борода, то пропадает, заменяясь на лёгкую щетину. Всегда вечер за окном, а то и сама ночь с любопытством заглядывает в неприкрытые шторами щёлки – любитесь? Любопытствует? Страхится? Мужчина молится всегда и везде. На иконы

в родной квартире, на иконы в чужом доме, на окна – там, где нет ни одного Его «портрета».

После молитвы мужчина прижимает раз за разом к губам свой нательный крест, повторяя: «Господь, ты щит мой и меч».

И где бы ни был этот человек, он подходит к окну, а то и просто встаёт во весь немалый свой рост под открытым небом и произносит всегда одно и то же: «Спокойной ночи, Мартин».

И где-то далеко или близко – в небольшом саду, почти под окнами квартиры этого человека, в коробке-могиле под сорока сантиметрами почвы, силясь слиться с чёрною землёй, спит вечно и спокойно чёрный котёнок Мартин. Сведены в спирали лапки вплоть до коготков, вертикальные зрачки глаз теперь не желты, но мутно белы, словно две луны в утренней дымке, – их меньше всего съели черви. И всё равно, кажется, что вот-вот задышит, немея, нос, вздрогнут свёрнутые уголками ушки, и котёнок начнёт вылизывать свою перепачканную в земле шерсть. Только для человека – Мартин-котёнок вылизывается всё равно, каждый вечер, а потом ложится спать под ласковые слова хозяина. И его ночь точно спокойная и, возможно, пропитана приятными кошачьими снами.

– Что с ним случилось?

– Не знаю, поймёшь ли: проблемы с кровяным давлением в мозгу. Однажды хозяин отвёз его в ветеринарную ле-

чебницу, не в силах больше смотреть на мучения котёнка. И у него хватило сил на одно слово: «Усыпите». Нет-нет, совсем не с моей интонацией, могу даже сказать – он говорил его сквозь слёзы. И котёнок с тех пор...

– Спит тем сном?

– Да, – Александр чуть отстранился от Мартина, и они оба выпали обратно в мир-квартиру. – Спит тихим беспробудным сном, всегда спокойным. Он под звёздами нашёл покой.

И уже шёпотом, куда-то в сторону, так, как может говорить только живой ветер: «И мне хватило сил на одно слово. Пли. И моя Маргарита спит спокойно, под небом найдя покой».

За проявившимся в дальней стене окном начинается дождь – это ветер остриём своих потоков врезался в массив серо-синих туч, разметал их, заставив плакать вместо себя. Кап-кап. Вода несолёная? Ненастоящие слёзы? У других нет больше и таких. Кап-кап. Мёртвых нет.

– Господин Александр, покажите ещё, – Мартин, вот этот живой котёнок-оборотень, не понимает игры, он хочет ещё. Ещё узнать такое, от чего больше не приходится спать – иначе в каждом сне каждую ночь, а часто и день, видишь лица тех, кто теперь спит постоянно. Спокойным сном.

– Давай руку, – и Мартин протягивает ветру руку, и тот, прежде чем показать следующую часть игры, гладит свободной рукой мальчика по голове как сына. Как мог бы гладить свою дочь молодой генерал, если бы только он в давнем-пре-

давнем будущем не решился на одно-единственное слово.

Лаает собака. Плешивый пёс с левым обгорелым боком. Морда вся истрепана, в колтунах шерсть, бывшая некогда пушистой, такого жёлто-кирпичного оттенка. Теперь же шерсть грязно-серая, слипшаяся. А вот уже пёс воет – не на Луну или, как говорят о собаках с очень-очень хорошим зрением, – на Юпитер. Отзываются ему в ответ воем частички той стаи, что решили для себя: не лучше ль того, чтоб греть бока друг друга и поровну делить свой дом с ветром и небом, – принять в стаю человека. Принять под защиту свою и свою ответственность – ответ держать. Когда не бездомного пса находит человек, но человека без дома в душе своей – находит пёс. И люди не будут знать о том, что приняты они в стаю, но каждый вечер, а когда случается беда – то и в час дня и в каждую минуту горя, – перекликается стая, спрашивая и отвечая: Цел ли каждый?

Человек? Зверь?

Без разницы. Цел ли каждый? Цела ли стая? Ответ держат некогда волчьи переклички, потребные для охоты. Теперь иначе всё.

Воет пёс, скулит. Воет. И слышит вой в ответ: целы мои, цел мой, целы...

Воет – цел сам пёс и ответ несёт за тех, кто выть не может, но так же в стае. В семье – если на языке человека.

А этот пёс одиноко воет – о себе говорит. Хочет и о дове-

рившемся ему человеку, да нет его рядом. Вот здесь, в метре, ещё нос чувствует. Нет, нос давно его чувствовать перестал – и три луны прошло и шесть скоро будет. Лежит не шелохнётся человек, сквозь землю ни запаха его, ни слова, ни сердца удара не услышать. Только греть его, хоть бы вот так, через матушку-землицу отощавшим животом своим и шерстью, уж какая теперь есть, остаётся псу. И греет. Защищает – как может. Нет у собак своего бога, но, как и у Бога – нет мёртвых, нет их и для собак.

Только одиноко и протяжно звучит вой усталого пса, обрываясь там, где ответ должен звучать за своего человека. Нет ответа, но я берегу его, человека, и отвечаю, как могу, – я цел, я с ним.

Теперь сам Мартин выходит первым. Отключается от Сети. Незаметно для него самого, обернувшегося котёнком, – отпадают штекеры проводов от ячеек подключений в шерсти на кончике хвоста Мартина.

– Ма-у. Ма-у, – жалобно разносится по миру-квартире. Котёнок понимает и принимает беспокойство пса – куда больше естественное, родное – то, что он уже испытал сам. Ребёнок-без-родителей, это он был почти как те люди, без дома в своей душе. Одни дают имя, другие помогают выстроить дом. Родные. И что стоит имя, если нет рядом, нет больше того, кто произносит его так же, тем же голосом, каким дал. Чего стоит дом, даже внутри себя, если часть его пуста, часть его мертва.

– Покажи мне ещё, ветер. Я хочу знать всё. Покажи, – теперь Мартин-человек, уже не согласен на игру, а только на то, что есть на самом деле. Игра ведь – это всегда понарошку. Даже если понарошку – родители просят ребёнка прятаться от тех смешных маленьких са-мо-лёт-ов, которые всего недавно пытался ребёнок поймать в сачок для бабочек. А теперь вот они бросают свои железные шарики и пытаются поймать под их громкое «бум» мальчика.

Генерал Александр Кромвель показывает Мартину то, что привык видеть сам. То, где легче всего познакомиться и определиться с тем, кто такие мёртвые. Ветер несёт Мартина в будущее, показывать... Войну.

На шатающейся на одном оставшемся целым винте обгорелой табличке отчётливо видны все, кроме первой буквы. Нет заглавной, первой, главной.

«...лавянск».

И скрип-скрип, шатает ветер табличку.

На обгорелой траве, уцепившись обеими ручками за металл столба, который и венчает обгорелая надпись, стоит ребёнок. Четыре ли года? Пять? Одежду ему заменила сажа – темны от неё руки и ноги. А вот лицо бледно и красны глаза мальчишки, слёз полные и обиды. Мальчик смотрит на дорогу – широкую ленту – асфальтовую змею, растерявшую часть гладкой своей чешуи, променяв её на выбоины и широкие ямы, что взрослые называют: воронками. Мальчик смотрит.

Не кричит больше ребёнок, только смотрит, сжимая пальцами металл столба, на котором раньше приветственно с большой заглавной встречала приезжающих в город людей табличка с именем этого града. Мальчик ждёт родителей, лишь иногда призывно, так, что, не желая этого, – далеко уносит по дороге ветер слова, зовёт: «Ма-ма! Па-па!»

Зовёт прийти к нему, оттуда – с дальнего конца дороги, где она изгибается и теряется за посадкой молодых деревьев, сейчас же поваленных и покошенных. Мальчик не оборачивается – за спиной его тлеют останки дома, где он уже звал родителей, и они не пришли. Если мама не пришла из дома – значит, её там нет? Ведь так? Так?!

Дом у обочины мёртв. Но ведь в мёртвом не могут быть мама и папа, они-то всегда живы. И придут – обязательно придут. Иначе и быть не может.

– Ма-ма! – ещё раз летит в сторону дороги и чуть-чуть в сторону дома (а вдруг где-то за ним мама?). В ответ мальчику раздаётся вой тревоги воздушной опасности. Город отвечает, как может.

Тишина. И нарастающий свист, затем самое дальнее эхо, ещё звучащее голосом ребёнка разрезается резким: Бум!

– Мёртвые, они как живые, только их нет рядом? Ведь так, скажи! – тело Мартина трясёт озноб, но голос чётко и твёрдо, вроде не мальчик лет семи говорит, а сам генерал Кромвель отдал мальчонке свой голос и тон.

Ветер только вздохнул – тяжело и холодно, так что с потолка посыпались снежинки, а пол вокруг сидящей на нем пары мужчин засверкал ледяной гладью и инеем.

– Ты знаешь такое слово – «визовил»?

Мартин отрицательно качнул головой, и если бы кто-то был сейчас в мире-квартире кроме этих двоих, то ему бы показалось – вокруг гуляют метели и тяжёлые лапы елей ищут человеческих плеч, чтобы лечь на них и отогреться от массы снега на своих иглах. Но нет здесь никого, кроме Мартина и Кромвеля, и елей нет и нет метели.

И господин ветер начинает свой рассказ доверенному его власти ребёнку, погружая его в картины, что он – ветер, лицезрел сам, где раздувал огонь, ломал волны, распространял летучий мор на своих крыльях или просто смотрел. И Мартин, зачарованный странник, путешествует по картинам полным ветра и смерти – визовила, узнавая, что значит это слово. И кто такие – загадочные мёртвые. Живые только пока их помнят.

...Мёртвый – это находящийся в состоянии визовила – когда ты уже не отец, машинист, чей-то брат, но только память в чужой голове. Но вот чужое сознание, хранящее память о мёртвом, перетечёт в небытие – и визовил исчезнет. Это ещё одна часть смерти, окончательной.

Мартин хотел узнать, что общего у его матушки-Тьмы с мёртвыми. И ветер не знал, как ответить. Но как *не* ответить ребёнку? Её сыну.

– Я не знаю, Мартин, я не знаю. Матушка-Тьма, так ты называешь маму. Я зову её прямо и просто – Смерть. Иногда Мортис. А вот на языке птиц пожелание встречи с твоей матушкой звенит похоже – Мортум. Твоя матушка, матушка... мы, живые вещи, чувства, стихии, иногда даже стихи – не знаем, как делаем свою работу, предназначение, как мы исполняем свою суть, для которой рождены.

Ветер прикрывает рукой свой глаз, пальцами заставляя веко сомкнуться:

– Твоя матушка – очень добрая женщина, она протягивает руку тем, кто оступился и уже не встанет, кто уснул без возможности проснуться...

– А дальше она помогает им, Александр?

– Я, я не знаю, Мартин, я не умирал. По крайней мере, насовсем. Спроси у неё сам и знаешь что...

– Что?

– Ладно, просто спроси, может, хоть один живой будет знать, как помогает Смерть мёртвым.

– Спрошу. И о твоей дочери – Маргарите, так её зовут?

– Зовут, да, зовут. Спасибо, Мартин, – Александр целует мальчишку в висок и мановением руки обращает мир-квартиру в тихий сад с кустами роз цвета синего неба и жёлтыми тюльпанами, уходящими за горизонт. Главное не приглядываться, иначе разочаруешься в том, что это только рисунки на стенах. Только запах цветения неподдельный. Мальчик, наконец, улыбается, после всех картин теперь увидев что-то

живое.

– Сме... матушка-Тьма скоро придёт сюда, у неё будет много дел, но, думаю, она найдёт время побыть со своим сыном. Мне нужно вернуться сейчас в те миры, что не могут без ветра или где для меня есть работа – вроде переноса домика из Канзаса или перегона стада туч из долины Гальв'В до высохшего моря Клинков.

– Я понимаю, – мальчик не понимал много и понимал всё, такой уж ребёнок с глазами, знающими что-то самое-самое важное. – А ты, ветер, придёшь ещё вот так, чтобы не во сне? Мне о многом хочется ещё спросить тебя.

– Приду, Мартин. Если позовёшь или я буду рядом, только уже не в этот мир.

– Почему не в этом?

– Я же сказал, у твоей матушки скоро будет очень много работы здесь. Здесь, за пределами твоей комнаты целый мир, Вавилон, полный разных чудес и, увы, обреченный. Матушка-Тьма уже приходила сюда совсем недавно, сняла мерки, подсчитала, подсчитала и взвесила, сколько потратиться на то, что она делает. Осталось разделить. Такова её работа. Смерть приказы не обсуждает и не отменяет. Правда, она вычла из сметы тебя. Своего сына. Видно, живо ещё хоть где-то главное правило всех эпох: мир не ценнее слезы ребёнка. Твоей слезы, Мартин. Жаль, я сам, не вспомню об этом правиле, жаль, – Кромвель смотрел в лицо ребёнка... своим единственным живым глазом в глаза Мартина – в глаза са-

мой Смерти. Вот же её взгляд в паре мальчишеских зрачков: один – живая искорка света, второй – живая копошащаяся в зрачке тьма. Этому ребёнку придётся носить всю жизнь, очень долгую жизнь, очки, иначе каждый встречный, встретившись с Мартином взглядом, поймёт, кто перед ним. Или ошибётся? Вот как ты сам сейчас, Кромвель, смотришь в его глаза и не видишь главного: тебе не верят. Показать ему? Показать...

Ещё раз. Только бы обойтись без переходов в иные миры. Всё так просто – вырастает в стене окно, наверняка так делала сама Смерть, навещая своего сына. За окном внешний мир. Дома, люди, машины, витрины магазинов, обязательные в Вавилоне – висящие везде провода, формирующие своими провисшими линиями контуры второго неба. Небо под небом. А вот и доказательство для Мартина. Не зря ли ты это делаешь, Кромвель? Однажды ты уже поплатился за взгляд на небо.

– Встань, Мартин, иди и смотри.

Мартин-человек встает и идёт смотреть в окно, за которым сотни людей обратили свои лица к небу. А небо сжимается в тёмную полоску, переливающуюся огненными цветами, сжимается под тёмной тушью-тенью ещё далёкой, но неминуемо движущейся к небу... фигуры? Монстра? Кого?

– Я сам не знаю, – ветер предупреждает ответом вопрос. – Они приходят пожирать мир, когда в нём остаётся мало цве-

та.

Кромвель обводит руками мир-комнату, и за красками цветов – синих роз, жёлтых тюльпанов, зелёных побегов и листьев – проступает серость стен и пыль.

– Ты можешь спросить у самого мира, он же твой должник. Весь мир не стоит единой слезы ребёнка. Здесь ещё действует этот покон. Я помню, как ты плакал, ребёнок-безродителей. Это я своими порывами смешивал капли дождя с твоими слезами, и не давал самым большим струям-бичам небесной влаги касаться твоего тела.

Мартин не ответил и больше не спросил. Мартин снова плакал. Мальчик, ещё далёкий от образа мужчины, может позволить себе плакать. Куда ещё девать запасы слёз, если их не истратить в детстве?

Матушка-Тьма пришла сюда не от скуки, не от любопытства и, увы, не исключительно ради обретения сына – его, Мартина. Матушка-Тьма пришла за всем миром, ей указали его. Но ведь здесь она обрела меня, своего Мартина! Может, она ошиблась, и ей не нужно выполнять столь строгий указ – забрать всех?! Может... Я ведь сын её, она почти дала мне имя, она стала моей матерью. Если не подчинится не она, а я? Я ведь могу. Я её сын! Я удержу небо и тех, за ним. Я...

Не человек защищает свой Дом, что неожиданно оказался больше дома своей души или даже мира-квартиры, но живущий внутри зверь, загнанный в угол только тем, что увиденное им обещает быть тут же разрушенным. А он ещё не успел

полюбить увиденное, почувствовать его, лизнуть, почуять запах и вкус. Отбирают. Кто? Ма-ма. Нет. Кто приказал ма-тушке. Кто тот зверь, что больше и прожорливый? Неизвестно и неважно. Мама же не обидит своего сына? И всё то, что станет частью её дитяти.

Глаза котёнка Мартина медленно закрываются. Сэр Сон снова пришёл неожиданно и не вовремя. Или пришёл не он? Выскакивает за дверь перепуганный ветер, стремясь уйти во-все из этого Дома, что оказался на обочине дороги жизни. И только маленький новоиспечённый титан тяжело падает на пол, уже во сне кто-то укрывает его худенькие плечи пледом. Плечи, теперь держащие на себе Небо Вавилона. Мира, за который ребёнок готов отдать больше одной слезы.

Часть пятая. Открой глаза, Человек!

*Даже бездны на краю, даже несколько за краем
Мы играем роль свою, даже если не играем.
Игорь Губерман*

Пролог

Переиграл в жизнь-театр, слишком пропустил эту мысль сквозь себя. Перегорел. Разум. Три дня урагана в родном городе – как представление в трёх актах. Люди, толпа – статисты. Отдельные люди – личности, персонажи, актёры. С разделением: их жизнь – роль, их душа — актёр. Тело – грим. Затянутый сюжет и непрописанные роли у многих из них: изо дня в день одни и те же разговоры и действия. Так и хочется кричать: выпустите меня со сцены! Но вместо этого соблюдаю свою роль. День за днём, ночью дописывая реплики, дорисовывая декорации, выдумывая, на какую сцену выйти завтра. Театр стал мной, я игрой – режиссером, сценой и ролью.

Итак...

Занавес!

Свет!

Вступление

– Открой глаза, Человек!

Я сыграю в твою жизнь – это момент Иллюзии. Тебя не будет в момент моей игры в твоём теле. Нет, ты не растворишься, но исчезнешь как роль из пьесы, и не узнают иные, что ты был, как если бы все пришли на премьеру, не зная всех персонажей. Впишу потом, задним числом, как *deus ex machina*, только ожидаемо, недостающим кусочком паззла. Вроде ты вышел минуту назад из комнаты, но кружка с твоим неостывшим чаем стояла на сцене с самого начала представления. Если не раньше.

Страшно?

Так и будет, а страх замажем гримом. Помнишь? Тот актёр, игравший Дракулу, вдруг перестал отражаться в зеркалах. Помнишь? Специально не молилась на ночь актриса, игравшая Дездемону, чтобы хоть что-то на сцене стало правдой. Помнишь? Как приглашали на роль Маргариты Маргариту, а на роль Воланда...

Помнишь, конечно, поэтому и боишься.

Но в момент Иллюзии тебя не будет на сцене или в зале, и ты не увидишь свою лучшую роль. Мою роль в гриме твоего тела.

Нужно было бояться ещё раньше, подписываясь на роль

Меркуцио в НАШЕМ театре...

И Синяя Птица (синяя стерва) кудахчет на ухо:

«Быстрее, нас ждут!»

Акт первый...

Я открываю глаза. Очередной Он уходит прочь. Теперь есть роль и слова. Пока не наступит ночь, нельзя вновь играть в себя.

На сцене пустое место – я. Такая роль, как Страшный Суд, – в стране с миллионом в несколько наберётся миллион Иуд, так и на сцене с пустым местом найдётся тот, кто его играет.

Но всё же слова: Занавес. Свет (бубнит режиссер). Мой выход, мой ответ...

– Человек. Зверь... – длинная пауза, забыл свой текст, ах да, – Бог.

А дальше шальные: губы и руки, Легенда и Миф, перья и стёкла и снова Боги и судьбы. Пока не останавливаюсь, замирая на полуслове, увидев своё отражение в испуганных глазах режиссёра, сидящего в первом ряду.

Что-то не то несу.

Это не тот спектакль, я в нём не пустое место, а главный персонаж, и мне должно быть тесно на сцене, а я вот верчусь, как хочу. Видно, такая карма – в жизни играть себя не удаётся, иное дело на сцене. Свободная птица. Синяя птица. Де-

лаю шаг вперед, на встречу слепящим глаза лампам: Кому счастья?! Кому?

Я – Взывающий к ответу. Я – Человек. К бесу личность!
Я её выше, ибо Я – роль и исполнитель!

Но вот режиссёр начинает хохотать, и все в зале принимают мою игру за комизм премьеры, ошибку актера на сцене, шутку импровизации.

И только я понимаю, что жизнь одна и каждый спектакль уникален! Просто из-за того, что жизнь одна... И я её прожил на сцене.

Я закрываю глаза. Ну же, о мой правильный убийца, пронзи сердце Меркуцио. И я воскликну слова, данные мне ролью: «Чума на оба ваши Дома! Я из-за вас стал кормом для червей». И упаду в поток Перерождений. Уйду за дверь в гримерной. Судачить о машинах и бабах, с чуть позже меня убитым Ромео Тибальдом.

Вот только Дома действительно прокляты... третий от Дома Героев Расальхат и первый от Истока, от Первосвета – Дом Игры, где сам Космос отыскивает свой покой. И Я – их вечное проклятье, звенящее в устах звезды Чиар.

– Каин, нам пора...

Я открываю глаза.

Акт второй...

За мили солнечного ветра унёс меня талант судьбы – изюминка Вавилона – становится тем, чьим именем назвался. Я был... о, кем тогда я не был! Теперь Вернувшийся. В судьи мне отдал сам Космос целый мир. Звезду по имени Чиар, что в будущем станет одной из воплощений меня самого – Птицей Синь, счастьем, что убивает.

Теперь не скрою, что я попал в тупик. Сам не знаю, чего ищу в тысяче мирах, раскинувшихся, как сцены в огромном театре Параллелей Хаоса. Единственное, что ведёт меня, – ветер. Знаю теперь, что в мирах без ветра нет того, что я ищу или что должно найти меня. Хотя в мирах, что сами по себе ветер, этого также нет.

Камень за пазуху – и ветер не страшен. Под его потоком нужно продержаться ещё в сотне премьер. И, вероятно, тогда словлю шквал аплодисментов, которых не ищу. Но, может, среди хлопающих ладоней будут нужные?

Какую цель поставила звезда передо мной, не сказав о ней? Какую цель в моём освобождении преследовал Космос? Может, я слишком долго играю и теперь забыл, о чём меня просили? Ищу личность? Предмет? Душу? Или целый мир? Ветер его знает. Но ветер-то как раз и не ответит. Может, назваться самим Космосом?

Актёр из меня плохой: каждый раз выбираю наименьшую

роль, ровно настолько, чтобы выйти на сцену самым первым и, не сорвав даже эха оваций или запоздалой слезы, рухнуть как подкошенный на твердые подмостки сцены. Смешной способ искать что-то? Может, я и ищу нужную смерть?

И звучит подкошенная с того света речь...

Акт третий...

– Я долго искал твоего Солнца, Икар. Но его нет не над, не под чужим небом. Верно, ветер вновь привёл меня не туда. Хаос... он такой, играет в обличья, в стихии, стихи. В мире, где каждой стихии будет свой поэт, я и найду ответ. Но точно не в этом мире.

– Вернувшийся, я Икар, я такой же, как и всё, что ТЫ, – странник. Но я убитый, а не убийца. Зачем же ты пришёл ко мне? Тебе бы помог Дедал, мой отец. Он остался в глубоком прошлом родного нам с тобой мира, так ищи его. Дедала и мир. Только помни – мир меньше иголки в космосе-стогу, а тот, кто нашёл – достоин только тюрьмы.

– Запомню и приму. Отправь же меня в пути перерождений. Вот нож... Вернее, его тень.

– Вот крылья. Надень и взмахни! Чужое небо примет как своего, и пусть нет здесь солнца – обожжёт высота и расплавит воск горячий ветер. Пройдём вместе через огонь падения, чтобы выйти в новых эпохах от сотворения мира. Может быть, вместе, может быть, порознь.

– Соглашусь. Надену крылья. Только ответь, что ты ищешь за пределами родного мира? Мести отцу? Высоты? Солнца, что не погубит?

– Нет. Сосуд из синего хрустала, что затерялся в мире, где есть только мужчины и призмы. Говорят, в сосуде том всегда то, чего ты желаешь больше всего...

– Смерти...

– Что?

– Ничего. Полетели, я крылья уже надел.

И двое взмывают ввысь, навстречу ветру и небу без солнца. И оба знают, что уже не вернуться. А в небе вдруг рождается свет от погибшего сотни лет назад Солнца. Нет, чужой звезды.

Свет.

Занавес...

...Эпилог...

Открываю глаза, и тут же, дабы не метаться по комнате в поисках ответов на не заданные мне вопросы, открываю дверь из своего мира-квартиры, чтобы выйти на новую сцену. Скрипят медные дверные петли в бесконечный по счёту раз, приотворяя выход – переход из тела в тело. Стоп. Вместе с открытой дверью не выходит из плоти моя гниющая душа – её не уносит с собой вырывающийся из этого мира ветер. За дверью нет того, чьё имя я должен принять. И левая

рука-манипулятор не подсоединяется к Сети... лишь продолжают песню дверного скрежета царапающие белую стену пальцы, пока не ухватываются за пустоту задверья. Да, за дверью обычный серый коридор. Фантазии не разгуляться. И вот я впервые делаю шаг в мир, в который сотни и сотни секунд назад был выпущен из тюрьмы Расальхата. Что же это? Очередная амнистия? Или нашёл в мире без солнца то, что искал? Икара? Крылья?

Ветер

Ветер толкает в спину и душу рвёт из старческого тела. Впервые снова ощущаю себя стариком. Разваливающеся тело, где каждую отмершую клетку заменяет крупница живого металла. Теперь кожа – синтез-плёнка, кровь – горячий пузозон, сердце – наполовину синхрофазатронно. Какая же будет моя настоящая смерть? Обновление до формата четыре точка ноль?

Выхожу за дверь, гонимый ветром и удачей. Удача... смешное слово, не моё.

А коридор за дверью не серый, а розовый, как асфальт, виднеющийся за огромным окном, что расположено в конце коридора.

Что-то примитивное просыпается в моей голове, в моём теле, как то желание голода, звериного, человеческого, божественного голода. Я закрываю глаза в поисках источника

этого голода в себе. Вижу...

Звезда. Чиар. Моя спутница, мой судья и мой проводник. Она вернулась назад, наделённая подхваченным в тысячах мирах голодом – энтропией Космоса, вечно голодного божества, выше которого нет ничего.

Чиар начинает утолять свой голод, разрастаясь, насыщая свой свет кусками вакуумной пустоты. Но этого ей будет недостаточно, я уверен. Нет, я знаю: тысяча секунд, и она захочет большего – крошек-планет из своего платья орбит. Для начала Меркуцио – да, первая смерть самого ближнего пасынка звезды-режиссёра. Затем Фао. Третьей станет уже мёртвая Семице. И только потом, на закуску уйдут четвёртый, пятый и седьмой миры – Талиго, Вавилон и Вальтура. Останки шестого станут метеоритным гарниром. Как же забавно это звучит: быть съеденным собственным миром.

Я открываю глаза, и ветер открывает передо мной соседнюю дверь, за ней: наполненная разноцветной нежизнью квартира-мир, с единственным живым существом – спящим в клубке синего пледа чёрным котёнком. Икар, ты был прав: мы ищем не себя или прощения, нет. Мы ищем родство. Там, на высоте падения в небо, среди проносящихся мимо комет-яблок я слышал имя: Мартин.

– Мартин!

Котёнок дернул ушком, просыпаясь. И прежде чем ветер с хлопком закрыл передо мною дверь, я, Каин Иерихонский, увидел, как котёнок открыл глаза – разноцветные. Один –

полный яркостью сверхновой, другой – тёмный, как плоть
чёрной дыры. Глаза моей дочери – Смерти.

Я постучался в дверь...

Часть шестая. Извлечение двоих

История века твоих состраданий...

С. Рипмавен, А. Фаулер. Час двух троек

Небо – полиэтилен

не прочнее ни на йоту.

Можно только на Земле

телом ощутить свободу!

А. Рейбарх. Мы родились от земли

*– ... ты никогда не вмешиваешься в дела других
людей и планет, пока дети не заплачут?*

Доктор Кто, 5x02

«Вавилон». Планетарная система Чиар

– Волеон, вот-р, каюс-лог,² Мартин, – и Каин перешагнул порог квартиры.

– А если бы не впустил?

– Мне достаточно одной только мысли. Приглашение в дом просто формальность.

– Но всё же если бы не было и мысли о том, что ты перейдёшь порог моего дома? Ты бы вошёл? – повторил на иной лад свой вопрос Мартин, ворочаясь в мягкости укрывающего всё его тело, кроме головы, пледа.

² «Кто нашёл – тот достоин тюрьмы» (вольный перевод с иллиди) Примечание Деррика

Старик задумался.

Один, два, три – набирали скорость лучи восходящего за пределами квартирного мира солнца, наползая стеною света на маленький дом по улице седьмой, где, номером ошибившись или дверью, старик Каин заглянул в квартиру к...

– Вошёл бы, только не в дверь, а, как ты, – в Сеть, — и Каин продемонстрировал мальчишке сияющую диодами вен левую руку-манипулятор.

Абестовый³ свет звезды Чиар, наконец, дополз до точки максимального разгона и, выбив прозрачность стекла дома на седьмой улице, блеснул в алом зрачке Вернувшегося. Дал понять: спеши, волнуйся. Но старик не торопился. Поиски окончились.

– Кто ты? – вопрос, что должен бы стать первым, был произнесён последним (а иные вопросы так и не нашли воплощения в речи в То-самое-Утро), что, впрочем, лучше, чем никогда.

– Я не отвечу. Знай, Мартин, я, как и ты, – Вернувшийся. Но я – не ты. Если назовусь чужим именем, за мной не придёт хозяин этого имени, я сам стану этим человеком. И мой покой – не твоё безделье, – Каин улыбнулся в последний раз за этот вечер, а иные улыбки так и не нашли свое пристанище на лицах в эту вечность, но это не значит, что не было их в душах вечно смеющихся богов Сети.

³ Абестовый – коричнево-алый.

– Знаю. Но...

– Я нашёл тебя. Я нашёл спустя тысячи секунд, столетий ожидания своей участи в Расальхате, странствия по мирам без ветра и мирам, не имеющим иного состояния, чем ветер. Мартин, я скажу тебе, но не кто я, а кто Ты. Ребёнок-без-родителей, – сама Сеть подсказывала старику нужные слова.

Мартин хотел ответить, хотел кричать, что его мать нашлась, что он получил Имя. Он больше не ребёнок-без-родителей. Но слова имеют вредную привычку в такие моменты застревать в горле, повисать на самом кончике языка, цепляясь абордажными крюками за сам разум и брать на абордаж сознание. Осознание.

– Ты Её отец... – вопроса не было, только ответ. —Ты... ты мой дед!

– Каин Иерихонский, брат Авеля, тот, в чьих руках брат железной свирели – нож.

Небо над городом-столицей мира проводов засияло последней каплей света гбнущей звезды. Небо над Вавилоном, такое же, как и в первый день появления здесь Каина, готовилось стать последним щитом для своих творений, живущих под ним.

Спеши, Каин, спеши. Неведомый Творец подписывает твой новый приговор, и новая, ещё более страшная участь, чем твоя и участь твоей дочери, ожидает твоего внука.

Спеши.

Мартин, наконец, встал с кровати. На пол железными

складками со скрипом осыпалась минуту назад бывшая тканью металлическая груда пледа. Спали и последние черты котёнка – втягивалась под кожу чёрная шерсть, а пушистый кошачий хвост обращался в сгусток проводов-подключений, давно вросших в сеть Тени.

– Да, я твой дед, я отец Смерти, которую ты знаешь как матушку-Тьму. И у нас нет времени для родственных чувств, лишь ещё одно дело, в длинной цепи. Мы – звенья, пойми. Но лучше забудь. Придёт наше время, и мы останемся просто звеном на чужой дороге. Нами, нашим родом всегда играли, и, боюсь, будут играть и дальше. Но сейчас, я чувствую это, есть возможность, а может, и вовсе наступило время мстить.

Мартин прошёлся по комнате, не понимая, не желая понять, что сейчас Космос, кто же ещё мог бы сотворить такое? Побег первого убийцы... Надвигающаяся гибель родного мира... Сам мир проводов... Космос играет им. Мартин поднимался по ступеням своего неверия, не желания понимать то, что говорит этот воронебородый старик. Человек-легенда, что никогда не существовал, оказался его дедом.

Остановился. Человек-легенда не пропал, только замолк. И диоды алых глаз Каина разгорались всё больше в последнем рассвете этого мира.

Вслушался. Человек молчал. Но мысли его были громче всех звуков (а их, поверьте, было миллионы), что сейчас пе-

реполняли мир Проводов.

...Творец, создавая мир, создал и оружие для его уничтожения. Нас, род Иерихонцев. Всё случилось, как и было задумано им: я дал рождение Смерти, впустил с его молчаливого согласия ту самую Тьму из-за пределов первого Мира в самую суть мироздания. Это именно я поселил её в Расальхате, Городе забытых богов. Но Творец не ожидал, что Смерть породит новую жизнь. Род Каина продолжился. Мой род пошёл дальше, чем род Дитя Человеческого. И пусть мы лишь звенья в длинной цепи, наш род будет отомщён, пусть и чужими руками.

– Мартин, я видел сон: там была твоя дочь. Был город в горах чуждого даже этой оцифрованной реальности мира. Война или иной одновременно подвластный и неподвластный людям катаклизм унес акоритовые шпильки того города и почти всех его жителей в вечность, в память. Там был Ворон, что помог случиться невозможному – приходу Творца в мир плоти. И там была наша месть – похожая на обоюдоострую глефу. Холодная, как и подобает мести.

Там заканчивается «Аэльфери», Сотворение. Время пролить сон в реальность. Идем, – и Каин протянул внуку правую, ещё живую, органическую руку, как протягивал он тысячи секунд назад руку к своей дочери Смерти.

– А если не пойду? Может быть, хватит? Ты, мой предок, давно стал звеном цепи. Цепи зла. Но я не хочу становиться ещё одним звеном. Что если на мне она прервется? – Мартин

отступал назад, шаг за шагом, практически упираясь в белую стену мира-квартиры.

– Иного пути нет. Чувствуешь? Как обнажают наш Клинок – железный нож уже нашел нового владельца. Мы вместе становимся богом в Клинке, но мы не будем служить. Мартин, мы вместе направим нож в сердце Творца, пусть и вложив его в чужую руку. Но только вместе, иначе этого не сделать. Вместе. Юность и старость. Желание мстить и умение прощать.

Два последних шага до ухода в Сеть. Мартин останавливается. В этот час пламенность сердца Чиар обжигает атмосферу его мира. Молот световых лучей обрушивается на тонкую кольчугу облаков планеты.

– Я не хочу быть холодом, – почему эти слова вырываются из его рта? Каин повторяет их же.

– ...руки отточенным молотом на плечах.

Старик за его спиной. Тяжёлые руки легли на плечи Мартина. На плечи ребёнка-без-родителей ложится боль мира. Если одна слеза ребёнка ценнее всего остального – то ребёнка ли отвечать за мир, ценящий его слёзы?

– Тяжко согнутым скелетом боль за чужие победы... – теперь мальчишка повторяет слова Каина. Строчка в строчку. Понимая, что творит он.

– ... на плечах.

Мир-квартира мигает. С глаз спадает пелена, обличая каждый микрон реальности в его истинную суть: сердца –

синхрофазотроны, кровь – горячий пуазон, кожа – просто синтез-плёнка, мир – мир ждал формат четыре ноль. Отмирание всех клеток – превращение в металл. Небо – просто пси-электрик, дождь лишь часть его программ. И два от рождения не слепых диода вместо глаз создания, некогда бывшего лишь структурой клеток, смотрят, в два бывших сенсорами-каналами живых глаза. Два пути – пройденный и начатый.

А небо над Вавилоном цвета запёкшейся крови.

Но двоих уже нет в мире ветра. И над тем миром, лишённым последней капли света и цвета, смыкаются громады чёрных теней, состоящих из пучков щупалец, глаз, ртов. Через мгновение они сгорают вместе с Вавилоном в пламени рождения сверхновой. Чиар.

Теперь Чир'Арон-Йар. На языке вымершего народа, детей этой звезды, иллидийцев: На-та-ли'а – Идущая с карой.

«Кали-Ола»

Мир-квартира заполнялся ночной прохладой, опустошая последние закрома света в себе, дабы двое – старик Каин и котёнок-оборотень Мартин смогли разглядеть иной мир заквартирья.

Ночь кутала в тёмные объятия пятиэтажный краснокирпичный дом на краю города. На улице с говорящим названием: Свободы.

Мир рождения Каина призвал старика и его внука, довер-

шая последние слова заклѣтия Иерихонцев собственной силой.

– Вавилона больше нет? – Мартин почти плакал. – И мамы?!

– Нет Чиар. Всей системы. Но моя дочь жива, – старик улыбнулся своим мыслям. Смерть уйдѣт, лишь когда кончится вечность. Пусть и вечность проходит быстро. Но не в этот срок.

И потух свет. И тихие, осторожные шаги...

Мартин стоит у окна, вглядываясь в рассветную синеву чужого неба. Седой старец обнимает за плечи внука, щурясь на первые солнечные лучи родного неба.

– Небо, ответь – кто я есть?! – слезу ребёнка подхватывает ворвавшийся в мир-квартиру ветер. —...Сбилась программа души.

Ветер уносится вдаль. Туда, где чѣрные ветви берѣз слишком светлы для парши проводов. Наследие живого металла растворяется в воздухе чуждого ему мироздания.

– Спроси Космос, он точно не сможет солгать, впрочем... – утренние облака разверзлись, даря кусочку чужого мира под собой небывалый подарок, майские снежинки. – Небо повеяло холодом. Верно, поздно бежать, – закончил Каин заклѣтие, смахивая последнее диод-звено с плеча внука.

Последнее ли?

Эхо: «Легенда и Миф»

Часть первая. Вселенные рождаются из слёз

– «Я – *Взывающий к ответу*», – говорил он! Ха! Я сам – то маленькое чудо, что призовет к ответу! – кричал Миф, размахивая руками. – И каждый ответит! Каждый! Иначе земля развернется, вздрогнет под ногами асфальт, и тысячи труб ангелов заставят тебя, его, нас всех поверить!

– Остановись, – она, Легенда, взяла его за левую руку, и тут же её пальчики изобразили знак «Дейм'у» – «Страх и Верность».

Но нет, он пошёл по кругу, легко вырвав свою руку из её пальчиков.

– Люди! Живые и неживые, персонажи, герои, странники, солдаты, Боги и Судьбы! Я заклинаю вас – идти вперёд, цепью, горным хребтом! Идти к вершине, пусть эта вершина и на самом дне вселенского Ничто! И вечности вам будет мало! Идите, иначе Я, Миф, призову вас к ответу! – и он действительно бы призвал. Но только её руки вдруг сомкнулись кольцом, а потом – Легенда разомкнула мир вокруг – и все люди, живые и неживые, Боги и Судьбы, солдаты и герои –

пропали, исчезли бесследно за пеленой ещё не сотворённого мира. Они же вдвоём – Легенда и Миф – оказались в начале. В точке бифуркации, или, как её ещё обзовут грядущие люди, – в точке отсчёта. Время ноль...

– Вот теперь и поговорим... – и Легенда уселась в позу лотоса прямо посреди безлико-белёсого Ничто.

Он не мог выдержать так долго её взгляд – мягкий, успокаивающий, а точнее – упокоивающий. Слишком долго он её знал, слишком долго, чтобы научиться не понимать, чего она хочет. В этом их отношения ничуть не отличались от простых отношений опять же простых мужчины и женщины.

– Легенда, прекратим молчанку?

– ... —молчание.

Миф посмотрел на пустующее пространство вокруг и, не заметив ничего интересного, создал свою копию.

Копия пошевелилась, отряхнула белёсую пыль со своего клетчатого фартука и, переминаясь с ноги на ногу, стала ковыряться указательным пальцем в ухе. В ничто тут же посыпались еловые опилки, остатки вчерашнего ужина (слава богу, не переваренные) и пара крабов, что сочли правильным раствориться в пространстве, притворившись белыми камнями.

...и тут она засмеялась!

Смех Легенды вдруг стал первым смехом по эту сторону рождения вселенной, и оттого Смех по ту сторону рождения вселенной забеспокоился, как-то неуверенно, но явно с гор-

достью, что его брат Смех стал первым по ту сторону рождения вселенной, вострепнулся, ну и привёл ненароком вселенную к рождению...

...точка бифуркации решила-таки оправдать своё название. И вот Смеха стало БИ – два. Вселенная разлетелась сотнями шариков недоукомплектованных галактик, уже в полёте доукомплектовываясь её Смехом.

А БИ – иначе говоря «два» Мифа с остекленелыми глазами смотрели, как та единственная точка, за которую цеплялся взгляд, вдруг решила стать не единственной (и куда больше, чем БИ). Мифу стало плохо. И Миф расчленился. Если уточнить – то КАЖДЫЙ Миф... ну да ладно, всё же не прогрессией математической мы тут занимаемся.

...и тут она прекратила смеяться. Легенда смотрела, как множатся галактики и как вслед за ними множится Миф. И ей становилось страшно.

Стоп.

Стекла первая слезинка из её зрачков, становящихся вселенной. И сам зрачок устремился за слезой, вытекая из акоритового глаза. Так следом за обычным мирозданием – миром – зданием, рождался первый из грустных миров. Целая вселенная в одной капле воды.

Пока сползала слеза, только-только получивший рождение мир утекал назад – рождение становилось зачатием, зачатие единой, единственной клеткой. И Миф становился собой – единственным, кроме неё. Легенда пустила процесс

вспять, желая остаться наедине с ним...

И вот они остаются только вдвоём – силы, способные призвать кого угодно к ответу, ибо сами в ответе за всех и каждого. Две псевдоисторические личности категории Л и М.

Легенда и Миф ещё не рождённой вселенной.

Часть вторая. ...о короле Артуре

Безудержно хлестала вода из пробитого днища рыбацкой лодки. Безудержно хлестала кровь из тёмной раны короля Артура. И меч покоился сразу в двух водах – алой и зеленоватой речной.

Пока Мерлин переругивался с Гвиневерой, а бедняга Ланселот налегал на вёсла, только Артуру и мечу в его руке доводилось мыслить: «А что там – за бортом?».

– Он должен выбросить его в воду! – кричал седобородый старик в коричневой хламиде и утыканной вороньими перьями шляпе.

– Без Экскалибура он умрёт! – перекрикивала старика девушка в запачканном кровью, грязью и туманом агатовом платье. Она пыталась встать – высокомерье преобладало в её логике (а если не таить секрета – то и банальный цинизм), но лодка резко качнулась, зачерпнув изрядное количество воды через борт, ещё больше, приобщаясь тем к глади озера.

Миф сидел здесь же. Он прибыл раньше Легенды и теперь обдумывал, что же оставить себе, а что отдать на поживу этой даме с красивым и бессмысленным, по его мнению, именем на «Л». Джентльмен в нём явно боролся с любителем красивых фраз и завершённых историй – почти коллекционером. Вот именно – почти.

«Да-с, некрасивая ситуация», – думал Миф, в мыслях заднего плана уже перебирая красочные слова описания того, как умер Артур... так и не доплыв до Авалона.

– Стоп! Почему «Авалона»? – Миф старательно огляделся вокруг, ведь ещё минуту назад он знал пункт прибытия утлого рыбацкого судёнышка, и он явно назывался по-другому.

Но вокруг было пусто. Нет, конечно, летала огромная рать разной мошкары, даже в тумане умудряясь безошибочно находить кровенесущую цель, да и иные создания терпеливо ждали обеда – ну или иного вида принятия пищи. Лишь бы поскорей лодочка пошла ко дну.

А Легенда всё не торопилась...

– Он должен выбросить меч. Пока клинок с ним, Артур не может... – старик не договорил – Гвиневера запустила в него найденными на дне, а теперь уже свободно плавающими где-то ближе к корме лодки рыболовными снастями.

– Гвиневера, Гвиневера, – проворчал Ланселот и улыбнулся. Да уж, как только Артур умрёт – меч будет наилучшим доказательством предсмертной передачи прав на правление Камелотом от Артура ему, серу Ланселоту Первому, Озёрному. И лучше всего это понимала Гвиневера.

Вот только старик упрямылся.

– Он должен его выкинуть! Вернуть Владычице Озера! – настаивал Мерлин, лихорадочно выпутывая крючки и куски

сети, застрявшие в его бороде.

«Да вернётся он ей, вернётся, – хотел было сказать Миф, но закон «Молчание и Невмешательство частных псевдо-исторических субъектов категории «М»» крепко связывал ему рот, ну или связал бы шерстяными нитками лет эдак на тысячу в случае... А вот случаи указывались уже в законе и в куче поправок к «Молчанию...», см. Кодекс Мифоуказателей. В принципе, вода продолжала прибывать...

Артур вдруг простонал что-то невразумительное насчёт «Вода...». Но все подумали, что он хочет «воды», и тут-то сыграли свою роль обстоятельства...

Гвиневера попыталась найти захваченную ещё до боя фляжку, что она собиралась преподнести Артуру-победителю. Яд во фляжке был несильный, но, по её расчётам, утомлённого человека убил бы как раз за два-три дня хмельной пирушки в честь победы.

Генда... Мерлин попытался взмахнуть любимым дубовым посохом, дабы сотворить если не Грааль Святой, то хотя бы чашку с чистой водой.

Ланселот же продолжал грести...

А пролетающая мимо сова обронила невидимое (для людей) письмо для Мифа от Легенды. И хотя письмо было невидимое, но никак не невесомое.

Лодка качнулась последний раз и слилась с туманной гла-

дью озера...

«...Артур выпрямился и, преодолевая боль в кровоточащей ране, кинул Эксакалебор в озеро. Тут же из тёмной глубины вод поднялась женская рука и поймала звенящий, разрезающий воздух клинок. На лезвии высветилась одна из двух надписей: „Выбрось меня“⁴...»

...читал Миф строки из письма, изредка поглядывая на неаппетитную картину «рук и ног» торчащих из глубины вод, наверняка не уместившихся в пастях тех тварей, что сейчас-таки дождались своего обеда.

В конце письма значилось: «PS: не смогла прийти, Таури На'Уа отказываются строить египтянам пирамиды. Целую. Твоя Легенда.

PS:PS: приятного купания».

Миф сплюнул в сторону ближайших подкоряжников, доедающих консерву Ланселота, и, достав из-за пазухи небольшую книжку, прочел её заглавие:

«ЛЕГЕНДА о Короле Артуре и рыцарях круглого стола».
ЛЕГЕНДА!

– Ладно, посмотрим, какими эти рыцари были круглыми! – сказал Миф и с громким хлопком растворился в Истории.

⁴ Вторая соответственно «Возьми меня». Хотя есть Легенда, что там написано «Любой меч по сравнению с Эксакалибуром – щит»

Голос второй. Морская

Пролог. Рукописи мокнут

*Камотес, Висаян, Азов и Фиджи...
Море, по сути, мы близнецы —
В тебе и во мне прорастают черты
Самой высокой волны.
Сергей Рипмавен. Море*

«Кали-Ола». Память. Сейчас

Листая давно отсыревшие, потёкшие чёрными ручьями черновики – в них я обнаружил упоминание о ней.

Лет двадцать. Не срок давности, тогда столько было мне. Я писал на всём, что попадалось под руку, всем, что могло вывести несколько закорючек моим кривоточечным почерком.

И вот среди таких записей упоминание о ней. На заляпанном акрилом листке имя —

Морская.

Марина, это точно она. Моя Морская. Как же это было давно.

Песчаный берег...

Хотя нет. Это была Маша.

Асфальтовые вены дорог... – Нет, это не тот черновик.

Сейчас. Сейчас-с.

Вот:

«...Морская шла рядом, всячески цепляясь своими маленькими ладошками за мою руку, не желала, не могла отпустить её. А я был холоден, впрочем, как всегда...»

Нет. Это скучно. Где-то было про портрет. Может, вон в той тетрадке?

Открываю, ищу, пролистываю годы. Годы не памяти, но фантазии.

Нашёл?

«...Морская была художницей-портретисткой, хотя себя она предпочитала называть „архитектором лиц“. Да, она умела выстраивать на своих холстах даже самые некрасивые или изуродованные лица такими, какими они должны быть по замыслу Творца, что доводил её рукой свои картины...»

Но почему я не могу вспомнить её лицо? Тогда ещё девочка. Просто девочка, любящая, когда её целуют. И, зная это, я так редко её целовал. Дурак. Но всё же её лицо...

«...маленького роста, она была похожа на свой чемоданчик с красками: такая же вечно перепачканная акварелью и...»

Нет. Где же про лицо?

«...я видел в ней волшебницу, что случайно получила вме-

сто волшебной палочки кисточку-колонок, что, впрочем, не мешало ей раскрашивать мир узорами чар...»

Лицо. Лицо. Марина.

Вспомнил!

Длинные светлые прямые волосы, что порой загораживали от моего взора взгляд-небо. Нет, не небо в её глазах. Её глазами смотрело на мир Небо – его в ней не было, она им была!

А ещё губы, такие, кажется, непримечательные, если хоть раз внимательно не всмотреться в них. Постоянно в улыбке. Хотелось прикоснуться к ним своими губами, особенно когда в очередном порыве Морская грызла кончик кисточки, ощущая краску на вкус. Цвет – на вкус!

«... Марина вечно светилась изнутри – её лицо больше подошло бы одной из скандинавских валькирий. Её внутренняя сила – участь избранных, тех, кто стоит на последнем рубеже, между Молотом и Наковальней...»

Записки, они не правы. Но всё же суть...

«... в тот вечер она рисовала меня. По памяти. Воображением дорисовывала мои черты, одежду, позу. Кажется, я вёл разговор с какой-то Силой, что вот-вот должна была поглотить меня на том рисунке. В той жизни...»

Вспомнил тот портрет. Да, там я был настоящим, не то что в этой жизни – фантазии, выдумке.

«... В какой-то момент Морская услышала ветер. Он звал её моим голосом. Ветер, ветер наполняет душу смер-

тью...»

Обычно меня зовёт этот ветер – чужим голосом человека, попавшего в беду. Когда беда не «ещё», а «уже».

«... Ветер привёл её на крышу, туда, где стоял **он**. Совсем, как на картине: её герой ожил. И теперь **ему** нужна была помощь...»

О, это давняя история, жаль, она почти не сохранилась в моих дневниках. Но вот что скажу: должно быть, в мироздании дела обстоят, как со звёздами, – если человек рождается, то кому-то он был нужен.

Однажды вот этому самому кому-то потребовался персонаж. Писатель.

«... Ветер трепал волосы Морской. **Его** голосом ветер просил нарисовать дорогу домой. Она не знала как. Знали лишь руки – ладошки с тонкими линиями, где задолго до её и **его** рождения были указаны черты...»

Герой ожил. Писатель сам сошёл с чужих страниц. Книга стала человеком.

«Марина рисовала. Прямо в воздухе выводила огненно-серебряные линии. Плавилась серебряные колечки на её пальчиках, и пламя её сердца становилось краской жизни. Её холстом стало время, её рисунки оживали, они раздвигали привычный мир. Они...»

Вот только герой не знал пути. Он мог вести. За собой. В огонь. В бой. В свет...

«...её холстом стало время. Её рисунки оживали. Дом. Дорога. Алый конь. Они раздвигали привычный мир. Они...»

И когда народ, создатели, когда они ушли по пути, указанному героем, – всё вокруг опустело. И он остался один...

«... Ветер шептал ей: „Спасибо“. Ветер уходил домой – в цвет, в сказку, в мир без ветра. Он закрывал его за собой...»

А для него горела бумага. Герой не мог умереть. Он не рождался.

«...и тогда Морская подошла ко мне – к **нему**, к портрету, к ожившему портрету, что стоял на грани Силы...»

Дальше пусто. Почти. Лишь несколько обрывков бумаги.

«—...ты мой? – она хотела сказать больше, хотела...
Нельзя больше. Больше она не вкладывала в него.

Он поцеловал её.

– Ты забудешь всё. Но когда-нибудь я найду тебя...»

Марина, я нашёл тебя. Ты в черновиках, в записках, на промокших листах.

Была ли ты выдумкой? Или, быть может, той девочкой, что смотрит на меня с картины в коридоре?

Была ли ты?

Дом Героев. Давно

...В её дворе сидел человек с авторучкой и тонкой школьной тетрадкой в клеточку.

– Можно, я вас нарисую?

Он улыбнулся.

– А можно, я о вас напишу?

На подоконнике старый граммофон пел женским голосом:

«...Марина...»

Часть первая. На твой безумный мир

*Ты родилась тридцать девятого февраля
Не говори о марте – снега, лежащие везде, –
не март!*

*Угрюмый бог художников тебя не целовал,
Но подмахнул немного красок в цвет
Твоей палитры. И мой Завет был полон
И тебя вписал на строчку ниже, чем бы нужно,
Пером гусиным... с кончика чернил едва хватило
На размерность имени: Ма-ри-на.
Марк Чёрный. Дочери – Марине*

«Кали-Ола». Рязань

– ... не болит!

Хмурое предосеннее небо, затянутое вуалью чёрных туч, сверкнуло... Пушистые дождевые гиганты на мгновение раздвинулись и впустили отрезок стали, показавшийся сначала лучом солнца. Открывая дождеточащие раны в небесах, острый металлический клык прорезал небосвод до самой земли, до горизонта. В маленьком городке на самом краешке мироздания горизонт кончился.

Ветер, налетая малыми подобиями смерча, вбирал первые осенние золотники-листья, а потом водил их почти колдовским хороводом вокруг случайных прохожих. Я не был слу-

чайным, скорее из тех, кого рано утром выбрал сам путь и теперь вёл к известной только ему цели.

Цель оправдывает средства.

Ветер ударил в лицо, разлохматил и без того непослушные волосы, заставил поднять голову к небу от забивающей глаза дорожной пыли. Что-то блестящее рассекло воздух и упало в двадцати шагах от меня, прямо посреди газона, прилегающего к небольшой кофейне. Быстрый взгляд на крышу: она пуста. Прохожие не обращают внимания на чудака, отрёшённо смотрящего то на небо, то на траву. Прохожих нет. Я понял это только теперь, когда первые капли дождя упали мне на лицо и внезапно стих ветер.

Небо сегодня, кажется, играет в убийцу: в траве блестит железный нож, из тех, что уже давно не делают: и лезвие, и рукоять из железа, нет и следа ржавчины. Рукоять удобно ложится в ладонь, капли дождя удобно устраиваются на моей одежде, намекая: спешите укрыться. Лезвие прячется в рукаве, рукоять – в перчатке, я – в той самой кофейне, на чьём газоне небо играет в ножечки.

– Мне ещё чашечку мокко, – обращается к официанту светловолосая девушка за дальним столиком у окна. Ещё несколько столов – все заняты, видимо, дождь загнал сюда всех прохожих или сегодня Всемирный День чашечки кофе в кругу друзей? Мест нет. Лишь одно, что секунду назад загоразивал от моего взора официант, принимающий заказ

у любительницы странного напитка. Цель или средство? Иду туда.

Странная кофейня: при таком светлом, слишком плюшевом интерьере здесь, в углу у окна, освещение удивительно мрачное, и музыка оказывается на поверку практически музыкой сфер – верно, такую великие классики слышали во снах и, силясь записать её наяву, рождали свои шедевры.

– У вас свободно?

Я еще не знаю её имени, но скажу по секрету, имя для неё я придумал заранее: Марина. Она смотрит на меня с испугом. Промокший, в черноте кожаного плаща, я похож на инквизитора из современных представлений, навеянных фильмами и книгами. Что ж, будем пытаться.

– Да и нет. Садитесь, – она всё ещё смотрит на меня настороженно. Я занимаю отведённое мне Путём место.

– Сергей. И давайте на «ты».

– Марина. Вы похожи на мага.

Значит не инквизитор – маг. Вот кого нарисовала ей фантазия. Ты ошиблась лишь чуть-чуть: не маг, а колдун. Я поправляю взъерошенную мокрую чёлку, забыв... С громким звоном выпадает на стол нож и блестит развернутым к потолку лезвием, отражая испуг Марины.

– Нож...

– Знаешь, насколько это магическая вещь? Если летом в пылевой смерч бросить нож, то смерч рассеется, а пыль окропит кровь нечисти. А если в твой дом идёт ведьма, нуж-

но сунуть нож под крышку стола, – руки сами творят сказанное, и нож втыкается лезвием под крышку белесого стола.– И ведьма пройдёт мимо.

А спешащая укрыться от дождя в кофейне женщина за запотевшим окном вдруг останавливается, практически налетает на невидимую стену, и медленно пятясь, уходит за грань льющегося из окон кофейни света, в царство сгущающихся сумерек.

– Архаичная вера, архаичная магия, – Марина отпивает из непонятно откуда взявшейся чашки шоколадный напиток. Официант замер у барной стойки, смотря на нас, и мелкая дрожь – рябь пространства за его спиной – выдает в нём... Впрочем, неважно кого.

Девушка уже не боится, она поняла меня.

– Ты похож на одного из тех бредовых персонажей, что я выдумываю... Рисую. Героев, что приходят из ничего ради ненужных свершений и подвигов, – Марина наклоняется немного вперёд, и я чувую сладкую остроту шоколада на её губах.– А потом герои уходят, и их подвиги остаются только на моих картинах карандашными набросками. Но тебя бы, маг Сергей, я бы нарисовала гуашью, не портрет, твой подвиг...

– Подвиг? И в чём бы он был?

– В этом дожде. В моём сегодняшнем одиночестве. В ноже, торчащем из столешницы. В архаике сегодняшних мыслей. В моём желании поцеловать тебя через две минуты зна-

комства. – Она закрыла глаза и облизнула губы, словно уже получила мой поцелуй и не хотела терять его послевкусия.

Странный вечер. Странный путь.

Зазвенел нож, выскальзывая из объятий лакированного дерева и ударяясь о плитку пола – в этот же момент бедный официант, наконец, смог покинуть своё место у стойки бара.

Беглый взгляд вниз – отражение в отполированном железном лезвии ставит точки над *i*. Вместо девушки – морские волны, подобные её имени, Марина – Морская. Вместо меня, мага, изорванный клочок бумаги, где изображен даже не человек – химера с чешуей-кожей, золотистыми змейками-волосами, глазами василиска, обращающими всё увиденное в медь.

Не смотреть. Нож в перчатку, а истину не обезглавить, но выколоть глаза. Слепому незнанию – светлое будущее.

– Марина...

Она берёт мою руку, не давая сказать, и в моей ладони оказывается обрывок клетчатого тетрадного листка с несколькими словами.

– Моя мастерская. Ты должен увидеть картины и выбрать сам, на какой из них ты. А я должна познакомиться с твоим безумным миром. Он ведь есть? Существует.

Морская оставляет меня. Уходит. Не платит: платой официанту будет дождь, что загоняет сюда посетителей при её появлении.

Я же знаю, стоит мне выйти – она всё равно останется

здесь. Останется тенью, фантомом себя самой. Тем самым отражением в лезвии ножа, готовым стать в любой момент снова человеком. Для неё нет выхода, теперь нет. Пусть берег сегодняшней нашей встречи останется девственно чистым, морской прилив ушёл, оголив следы на песке прошедших по нему странников. Не людей.

Нож жжёт ладонь. Нож спрятан в карман. Ещё одна тайна становится мной. И у меня уже есть план. Кем бы ты стала, Марина, не встретить меня случайно здесь? Простым архитектором? Уличной художницей? Единственная истина заключается в том: всё важное случается случайно – и неважно, хочется мне или не хочется в это верить. Трудно сознавать себя невольником случая.

И я встаю и иду вслед за Морской, почти по тем же следам, не зная, не желая знать, что где-то путь, коему сотни имён, и наверняка одно из них Космос, выбрал для новой игры нас.

Часть вторая. Зачарованная

*Рот как кровь, а глаза зелены
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный бледной Луны.
М. Цветаева, Чародею*

«Кали-Ола». Рязань. Изнанка

Она сидела в своём любимом кафе с большой чашкой шоколадного мокко. Она всегда прячется здесь от злого осеннего ветра – погружается в кофе, как будто в нём заключена вся её жизнь, даже больше чем жизнь. Она любит дождь, но в таком настроении ей гораздо приятнее наблюдать за ним из тепла.

– Ты меня совсем забыл.

– Нет. Я помню, – он не договорил.

– Помнишь, ты помнишь, что я существую, а не меня. Ты не захотел увидеть, что я отказалась от всего. От всего, что тебе мешало чаще меня видеть. От всего, что делало меня усталой, но счастливой. Я бегала по городу из одного его конца в другой, искала людей, кому нужны были мои картины, звонила и отвечала на звонки, предугадывая, какой сюжет закажут мне изобразить. Я почти теряла силы из-за отсутствия благодарности, но парила над крышами после каждой редкой, но такой искренней и счастливой улыбки, какой ода-

ривали меня люди, довольные получившейся у меня работой. Я жила этими улыбками...

– Ты всегда живёшь улыбками...

Она, как всегда, перехватила ход его мысли.

– Да, но без человека и улыбки бы не было. Твою улыбку я узнаю из миллиардов.

– Улыбку... я хочу, чтобы ты думала обо мне, а не моей улыбке.

– Улыбка и руки, – говорила она, словно и не слышала его вовсе. – Улыбка и руки, они у тебя особенные, такие ни у одного мага, ни в одном измерении не найдёшь.

– Ты меня не слушаешь, – привычно возмутился он. Но, словно ребёнок, погружённый в яркий сон эмоций, она продолжала:

– Ни у одного мага, ни в одном измерении не найдёшь... ну вот кто-нибудь ещё видит всего тебя в руках и улыбке? – этот вопрос она произнесла больше мечтательно, чем вопросительно. – Нет, не видит. И не может увидеть. Ведь никто и у дождя не видит души, и у луны слепоты.

– Ты меня не слышишь? – почти взорвался он и взмахнул руками.

– Слышу, – она ответила это чётко и осознанно, но ему показалось, не возвращаясь из места, в котором гостила.

– Очнись. Ты не Алиса, – аккуратно, немного снисходительно и сочувствующе шепнул он ей. – Нельзя всю жизнь провести в мечтах.

На секунду в воздухе остановились все капли дождя, и даже ветер перестал плакать.

– Красиво, да? – как ни в чём не бывало, оторвала она взгляд от окна и заглянула в его глаза...

«Кали-Ола». Рязань. Явь.

Он бежал по улице, рассекая лужи, словно Дредноут волны. Могло показаться, что за ним гонится самая страшная сила. Для него это было действительно так...

Он спешил, боялся опоздать. Беспреданно благодарил судьбу за то, что знает, где её искать. И проклинал себя за то, что посмел забыть об этом месте.

Она сидела в своём любимом кафе с большой чашкой шоколадного мокко. Она любит дождь, но в таком настроении ей гораздо приятнее наблюдать за ним из тепла. Он распахнул дверь в кафе и в страхе остановился перед её столиком...

– Красиво, да? – услышал он и понял, что успел. Успел!

Молниеносно и совсем неслышно оказался он рядом с ней.

– Да, – она очнулась. Со стороны казалось, будто проснулась или вышла из комы. Она вернулась из того мира, который так часто ею овладевал.

– Я так боялся, что не успею...

Часть третья. К зачарованной

– А что будет, если ты не успеешь за секунду до? – Тебя. Только с приставкой «Не»...

«Легенда и Миф»

«Кали-Ола». Рязань

У нас нет тени в этом мире.

– Пойми, я не маг. Колдун – и этого у меня не отнять. Даже мойры не умеют заново переплестать нити жизней, выбрав однажды материал для них, – но она не понимала...

Я выходил из кафе, как тогда, в первый день нашей встречи. Дождь поил белую рубаху острым теплом осенней влаги, и пятна намокающего шёлка расплзались странными, живыми фигурами.

Она осталась там, в кафе, допивать своё мокко. Моя Морская. Моя...

Когда-то я покидал своё тело, и начиналось странное пугающее падение, оно шло всё быстрее и быстрее: сначала мимо проносились облака, затем росла и надвигалась на меня громада Луны. Телом оставаясь на Земле, я... я уносился прочь – в миры – в мои миры. И, раз за разом всё тяжелее возвращался обратно. Обратный путь был скучен – про-

странство вокруг пустовало, и свет лишь одной звезды освещал дорогу в тот мир, что кто-то назначил нам Домом.

Я помню один их тех дней. Моя беда в том, что помнить – это снова начать жить с мгновения, запечатлённого в памяти...

...Фары дальнего света били белыми вспышками мне прямо в лицо, и необычно темный осенний вечер кутал меня в чёрный шёлк походного плаща. Времени не было: до города слишком далеко, – и не было выбора. Машина уже тормозила.

Память не сохранила лицо того водителя, что так неосмотрительно решился подбросить человека в чёрном до города. Помню, лобовое стекло машины было разбито и сетью трещинок напоминало огромного паука, сидящего в засаде. Начинался дождь, и методично работавшие дворники открыли мне путь на ту сторону.

Снова падение, снова полёт. Главное помнить: я еду к ней, к моей Морской.

...Она чувствовала каждый мой переход. В такие моменты её глаза стекленели, голова рефлексивно поднималась вверх, и где бы она ни была, небо открывалось над ней, чтобы отразить в её глазах меня, падающего в бесконечность. И не так важно – выпадал ли я в давно прошедший день или с этой планеты.

...Луна надвигается, пространство вокруг сужается: меркнут, а потом и вовсе гаснут звёзды, пустота обрастает серыми красками и глазницами кратеров. Мир сужается, пока в нём не остаются лишь двое – Я и Луна. Я прохожу сквозь неё. Где-то здесь точка встречи. Толща лунной породы и скрытые под ней лаборатории выпускают меня вновь на волю, в пространство, ещё не открытое людьми, но открытое как море – безбрежного космоса. Туда выпадаем мы: Я и Морская, рука об руку.

Не сейчас. Я вышел один. Рука сжимает пустоту.

Но путь не даёт мне повернуть назад.

И неважно, что тело – железо программы моей души – сейчас в незнакомом автомобиле, с незнакомым человеком. Неважно, что душа одна – на пару с одиночеством нас всё равно двое. И одиночество улыбается моей улыбкой.

Путь домой всё равно долог...

...секунда – кольца Сатурна уже далеко. Минута – в этот раз я падаю во время – Фаэтон проскальзывает мимо меня, собирая свою мозаичную плоть из тысячи астероидов пояса Агасферы. Ещё три мгновения – коллапс Фаэтона становится лишь откликом бушующих волн в центре его океана-ядра и той войны, что станет катализатором его катастрофы.

Но я не хочу быть здесь. Вперёд, вперёд – вернуться домой, в тот мир, что я считаю своим родным домом.

...далёкая звезда Чиар – почти Солнце. И так же, как Солнце, – она не вечна.

И вот я ступаю по Семице – третьей планете возле акоритовой звезды. Пустыня. Я опоздал. Слишком долгое путешествие. Слишком слаба моя фантазия: не в силах изменить выбранный путь и способ. Не в силах повернуть время обратно – вперёд. К жизни.

Семице пуста. Она стремится к изначально – океаны ещё не сгустились из витающих в атмосфере молекул воды. Растения – они были здесь, когда я, наверное, пролетал Мезиду – ровно на полпути к дому. Люди? Нет. Иллидийцы! Они в далёком будущем, в развитии, в преображении и смерти моего дома, колыбели, породившей их.

Морская. Моя Морская. Ты бы смогла, в твоих силах повернуть, упорядочить, успокоить Время. В твоих силах.

...Стоп! Перед глазами мелькнула её кисть – и тут же два мельтешащих по разбитому лобовому стеклу дворника царапнули стекло моих глаз...

...Невидимый, обжигающий лицо пламень обнял несчастную Семице – раскалил рутениевые мегалиты её плоти, вскипятил теперь бурлящую протожизнь атмосферу и паром...

...паром – легкий дымок шоколадного мокко оседал на стеклах витрины кафе. Я увидел Её. Морскую.

Проступали серебристо-блестящие стены её любимой ко-

фейни. Округлый стол сложился из торчащего из глубин земли менгира, и висящая до того в пространстве большая чашка мокко опустилась на его слегка влажную поверхность.

– Морская! Марина! – я звал её, сейчас сидящую за этим столиком, там, на далёкой Земле.

Но она говорила со мной. Другим мной. Кажется, что-то про «руки и улыбку»...

Вот сейчас мы были очень с ней похожи – у них, у нас был одинаковый цвет волос, одинаково вились кудри. Но я-то помню, что мы ныне не похожи совершенно.

И время так же текло вспять...

– ...ты помнишь, что я существую, а не меня...

– Помнишь...

– Нет. Я помню, – он не договорил.

– Ты меня совсем забыл.

Она уходила. Без меня, в другой мир. В свой собственный мир. Она уходила...

Я забыл... Я забыл... Забыл...

...Удар. Глаза различали лишь одиноко продолжающий работать дворник. Второй, искорёженный, валялся чуть дальше на капоте машины. Столб. Саднящий липкий висок, и струйки агатовой крови теперь заполняли те самые паутинки на лобовом стекле – это я пробил его. Я...

Время назад... осколки собирались в цельное зеркало бо-

кового вида, трещины срастались и уже целым стеклом отражали тёмный покррой моего плаща. На нём набухла влагой засохшая кровь и, как и дождь, ползла вверх – к ране. Я выбирался наружу, пока выломанная дверь автомобиля нерослась с плотью машины подобно сломанной кости.

И кто-то незримый творил немое волшебство, выбеливая мою рубаху, сдирая покров плаща, как ненужный элемент мироздания. И мир вокруг проворачивался, как кружится глобус вокруг незримой точки отсчёта.

Стоп! Ещё раз... немного правее. Кафе.

И я побежал, боясь опоздать. Она – не я. Для неё нет спасительного якоря, каким она являлась для меня. Она не заметит разницы, ведь тот Я, что сейчас там, с ней, – настоящий.

...Она сидела в своём любимом кафе с большой чашкой успокаивающего её в любых ситуациях мокко. Она любит дождь, но в таком настроении ей гораздо приятнее наблюдать за ним из тепла.

Я распахнул дверь в кафе и в страхе остановился перед её столиком.

– Красиво, да?

– Да.

Она очнулась. Со стороны казалось, будто проснулась или вышла из комы. Она вернулась из того мира, который так часто овладевал нами.

– Я так боялся, что не успею...

– Не успеешь «куда»? Маг...

У нас нет тени в этом мире. Этот мир – тень.

Часть четвёртая. Четвёртая стена

*В картах алая масть не нужна
коль и так все черви кровавы...
Сергей Рипмавен. Алая Колода*

«Кали-Ола». Рязань. Утро

– Четверка – знак смерти.

– Это ещё почему? Опять твоя кабалистика и мистицизм?

– Рассуждай трезво, но с оглядкой на мою логику. Нет, это я буду рассуждать трезво, но с оглядкой на твою логику, Марина. Начнём с Триединого...

– Да, да, знаю. Отец, сын и святой дух.

– Вот видишь? Три, а не четыре. Он, точнее второе лицо святой Троицы прославлял жизнь, а был распят на кресте. А крест предполагает четыре внутренних угла – тот самый знак... смерть. Символ.

– Тогда почему не пять?

– По той же причине, что и не семь. Пять – это пентакль, пять чувств, как и пять сомнений, управляющих ими, это символ, защищающий жизнь. Не смерть, – и он начертил пентаграмму на запотевшем оконном стекле кофейни.

– Ещё есть шестёрка, символ Зверя...

– Нет. Шесть – это иной знак, он губит, но не приносит смерть. Если отталкиваться от такой логики, есть ещё мил-

лиарды чисел. Четверка же знак смерти. Четыре пера подписывали смертный приговор на суде в Вавилоне. Четыре стороны у могил-пирамид в древнем Египте. На четыре основные стихии распадается мир после своей смерти по Парацельсу, и эти же четыре стихии – алхимическая основа для сотворения чего-то нового, как жизнь, возвращённая из праха своей предшественницы. И не негативный ли оттенок несёт в себе выражение, содержащее «в четырёх стенах»?

– И мы знакомы с тобой четыре года, —с усмешкой на лице завершила она и, посмотрев на стекающую каплями пентаграмму на стекле, добавила: – Хочу на море.

– И на какое? Чёрное, Каспийское, Красное или сразу на Мёртвое?

– Ты сегодня добрый, – в глазах Морской вспыхнул на секунду синеватый огонь гнева и погас, истаял в фиолетовых лучах солнца, преломленных в оконном стекле кофейни на Есенинской улице. – А ещё четыре года минуло с тех самых пор, как ты пообещал заглянуть в мою мастерскую...

– Крупская, дом пятнадцать...

– Вот только я уже и адрес поменяла. На старом месте стали много за аренду брать. Только, боюсь, к твоему приходу мои кисточки с картинами снова сменят место своего ночлега.

– Обещал, так загляну. Помнишь? Обещание колдуна больше его жизни!

– Не колдуна, а мага. Ты ведь добрый.

– Да, да, пожалуйста, сегодня и загляну. Допивай кофе, пока теплый...

«Кали-Ола». Рязань. Ещё не вечер

Улица Пушкина, дом двадцать три дробь четыре. И квартира четвёртая.

– Юлька, не отставай!

Неприветливый подъезд оранжевой облезлой пятиэтажки, площадка на четыре предквартирные двери, все без номеров. Только студия Марины видна сразу – на двери наклеен (странно, что не нарисован) огромный плакат: тоненькая девушка-статуя в пол-оборота, снятая со спины. Лицо статуи повернуто к далёкой точке – вроде тюрьме. На ум пришло название той тюрьмы: Кресты. А девушка? Таковой могла быть Цветаева, хотя нет, Анна и точно Ахматова. Тоненький юный демон на службе у юного мага.

– Юля, постучи, меня Марина сразу узнает. Пусть сюрприз будет.

– Хорошо, – и четыре еле слышных удара кулачком в дверь. Фотография идёт волной, и, кажется, сама дверь. Внутри студии идёт волна по связывающим события линиям судьбы. Фатум вторит каждому удару громовыми раскатами в далёком и недалёком будущем.

– Спасибо, – и тут же, только в мыслях: «Спасибо, Фатум, за обман...»

Дверь открывается. Хозяйка выходит к нам навстречу

и возвращается попутно в себя. Верно, спала.

– Сергей.

– Доброе время, мисс Морская, – и чопорный поклон.

– А я Юлия, ваша коллега по мазкам.

– Простите, маскам? – и обе девушки смеются ведомой только им шутке. – Входите, ребята.

Дверь закрывается за спинами вошедших людей, и площадка следом за хлопком двери скатывается, подобно листу бумаги, в звенящую спираль.

Квартира оказалась лабиринтом: некий Дедал выстроил в старенькой советской квартирке несколько десятков перегородок, перемешав имеющееся пространство в паутину узких коридорчиков и геометрических фигур. Налево – треугольный тупик, направо – развилка с округлыми стенами. Шаг, шаг – хозяйка вела их по единственному правильному, известному только ей маршруту. А белые стены смотрели вслед троиче десятком развешанных на них картин – её картин. И везде только море и космос. Да, и персонажи мифов – крылатые боги-змеи коатли, сторукие ужасы древних греков, боги и демоны, вершащие суд над людьми. Будто она сама видела их в живую и изображала по памяти, выплёскивая свои воспоминания, лишь бы не видеть где-то во сне красоту и кошмар изнанки человеческого мира.

Да, такими они и были – знаешь ли ты, Морская, как близка к действительности? Каждый оживший миф, посмотрев

на твои картины, узнал бы в них себя. И что страшнее – покажи свои мазки, свои маски людям, и многие забытые боги вернутся из Расальхата, города забытых богов, питаемые верой и страхом очевидцев их мощи в твоих картинах. Такие картины не для следующего столетия, не для будущего отцифрованного восприятия людей. Настоящее искусство не для своего века и часто даже не для следующего. Или? Или-ли. Если подумать: настоящее искусство – для всякого столетия.

А вот рядом с одним рисунком я остановился и вгляделся: ребёнок пяти-шести лет держит в руках картину, на которой изображен мужчина-герой. Самая примечательная деталь картины – слеза ребёнка по герою. Нет! Вот же: слеза героя по ребёнку! И большие каменные горы... Отворачиваюсь и продолжаю путь, ступая след в след за чуть приостановившейся, дожидаясь меня, Мариной. Дожидающейся меня и Юлии.

– Это один человек, – я оглядываюсь через плечо, внимая словам Юльки. – Ну как бы ты мог заметить, что они очень похожи. Это один человек. Ребёнок получил изображение себя в будущем. Там, где он вспомнил своё детство, а ещё тот страшный путь, что сделал его героем. Раз и навсегда сделал. И ребёнок вроде как вспомнил этот путь, что он сделает. Раз и навсегда сделает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.